

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ПИРАТЫ МОСКОВСКИХ МОРЕЙ

Сергей Высоцкий

Любимый детектив

Сергей Высоцкий

**Пираты московских
морей (сборник)**

«ВЕЧЕ»

2018

Высоцкий С. А.

Пираты московских морей (сборник) / С. А. Высоцкий —
«ВЕЧЕ», 2018 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7498-9

События, которые происходят в новом романе известного мастера детективного жанра Сергея Александровича Высоцкого (1931 г.р.), словно бы подсказывают читателю: не все так просто в нашем мире, гляди в оба и делай выводы. Реклама современных речных лайнеров – «банкетоходов» – вызывает живой интерес банкира-миллиардера Некваса, вора в законе Макаркина и кинорежиссера Забирухина. Неквас задумал провести корпоратив на «банкетоходе» и, взорвав его, одним махом избавиться от надоевшего коллектива сослуживцев, вор Макаркин – грабануть устроивших «бал на воде» богатеев, а режиссер Забирухин – начать съемки блокбастера всех времен и народов «Пираты московских морей»... Волей случая частный сыщик Владимир Фризе оказывается втянут во все эти три «мероприятия». «Недоразумение» – повесть о любви и предательстве, о том, что за добрые дела тоже приходится расплачиваться.

ISBN 978-5-4484-7498-9

© Высоцкий С. А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

ПИРАТЫ МОСКОВСКИХ МОРЕЙ	6
ПРОЛОГ	6
ФАНТАЗИИ ПЕТРА НЕКВАСА	7
ВОР В ЗАГОНЕ	8
ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ РЕЖИССЕРА ЗАБИРУХИНА	10
ЧАСТНЫЙ СЫЩИК ФРИЗЕ	11
ДЮЙМОВОЧКЕ УКАЗАЛИ НА ВЫХОД	12
КОНТАКТ	15
ОСАДА	18
ШТОРМОВОЙ ПЕРЕХОД	22
ЛЮБИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ ВЛАДИМИРА ФРИЗЕ	26
СТАХ ГОТОВИТСЯ К ОХОТЕ	30
У СЫЩИКА ОТКРЫВАЮТСЯ ГЛАЗА	32
ДЕТКИ ПРОГРЕССА	35
НОВЫЕ ЛИЦА	42
НАСЛЕДНИК ВСЕХ СВОИХ РОДНЫХ	45
ПУРГА	50
БОГАТЫЕ ЛЮДИ – ОСОБЫЕ ЛЮДИ	51
«...КНИГИ БЕСПОКОЙСТВА И СМЯТЕНИЯ...»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Серей Высоцкий

Пираты московских морей

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

ПИРАТЫ МОСКОВСКИХ МОРЕЙ

Роман

*Qui rationem in omnibus quaerunt,
rationem subvertunt!*

ПРОЛОГ

Стивен Сигал сконцентрировался и в мощном прыжке взмыл в воздух. Удачно ли он приземлился на крыше соседнего вагона, можно было только догадываться: американский триллер прервали на рекламу:

По реке плыл сказочной красоты теплоход, а разудалый хор пел на мотив «Попутной песни» Михаила Глинки:

Веселится и ликует весь народ,
По Москве-реке плывет банкетход!

Закадровый баритон, умело, играя на доверительности, проникновенно советовал гражданам воспользоваться банкетходом для проведения свадеб, дней рождения и корпоративных вечеринок. Автономность и конфиденциальность фирма гарантировала. А упоминание о комфортабельных каютах, сделанное с придыханием, придавало рекламе особую пикантность.

¹ Те, кто во всем ищут смысл, подрывают его.

ФАНТАЗИИ ПЕТРА НЕКВАСА

По крайней мере три человека – из тех, что не выключили звук у телевизора, пока шла реклама, – пробормотали себе под нос: «Интересно». Или что-нибудь другое в этом духе. Например, председатель процветающего банка, удивительно похожий на американского актера Вуди Аллена, улыбнулся и произнес загадочно: «Ага!»

– Ты это о чем, Чебурашка? – поинтересовалась жена, вынимая изо рта толстенную сигару и пуская в сторону супруга похожие на баранки колечки дыма. Курить сигары ее научила приятельница, с которой они еще полгода назад работали в модельном агентстве:

«Кукленок, когда выйдешь замуж, обязательно перед тем, как лечь в постель, закури сигару. Мужиков это всегда заводит».

Но Чебурашку, похожего на Вуди Аллена, а по жизни – олигарха Петра Некваса, «сигарные» упражнения жены в этот вечер не завели. Он «запал» на банкеттоход.

– Этот банкеттоход – самое подходящее место, чтобы отметить юбилей нашего банка, – задумчиво сказал Неквас. А подумал с внезапно охватившим его воодушевлением: «Соберу всю свору наших топ-менеджеров, напою до зеленых чертиков, доберусь, наконец, до этой недотроги Андрейченко! А потом...». Это «потом» имело такой зловещий смысл, что Неквас, даже думая о своем плане, оглядывался: нет ли кого рядом? Вдруг прочитают его мысли?

Жена была не в счет. Честно говоря, он уже не помнил, какой она у него была по счету.

Банкир снова улыбнулся, но не плотоядно, как следовало бы при воспоминании о самой красивой женщине принадлежащего ему финансового учреждения, а зловеще. И обратил наконец внимание на супругу, опять засунувшую в маленький красный ротик свою огромную сигару.

«Надо же! Еще полгода назад она казалась мне богиней, когда прогуливалась по подиуму. А стала настоящей кошечкой. Ни кожи, ни рожи, ни голоса, ни волоса! А груди скоро свесятся до пупка!»

Мягко говоря, Петр Григорьевич был неправ. И кожа у его молодой супруги Ксении была нежной и шелковистой, и черты лица привлекательные, и голос, волнующего мужчин низкого тембра, с легкой хрипотцой. О волосах и говорить нечего: не волосы, а просто каштановый водопад. А груди. Да любой голливудский режиссер про такие груди мог бы снять крутой блокбастер, а на гонорар от проката купить небольшой остров на Средиземном море! Покупать острова на Средиземном море сейчас было модно.

Вот только подбородок у Ксении Неквас подкачал. Ну, быть бы ему на сантиметр покороче!

Как ни странно, мужу этот длинненький подбородочек нравился! Он считал его знаком отличия, своим личным тавром. Любил услышать в толпе на каком-нибудь сейшене: «А вот эта с остреньким подбородочком – Ксения Неквас. Жена знаменитого олигарха».

У самого банкира с подбородком было, как говориться, напряженно. Эту деталь банкирского лица можно было заметить только при ближайшем рассмотрении.

Неожиданно образ жены поблек, подернулся «бананово-лимонным» туманом. Сквозь туман нарисовалась Андрейченко. Высокая, стройная и до умопомрачения загадочная. Не в силах совладать с собой, Петр Неквас представил на месте жены гордую Андрейченко, отбросил в сторону непогашенную Ксенину сигару и принялся смирять гордыню будущей любовницы и разгадывать ее неразгаданную тайну в объятиях жены.

Супруге такой Петин напор понравился. «Иногда и подруги дают дельные советы», – подумала она, не забывая слегка постанывать. Опять же по совету все той же сослуживицы по модельному агентству.

ВОР В ЗАГОНЕ

2

Плотноядно улыбнулся, посмотрев рекламу праздника на водах, Виктор Макаркин, крутой человек по кличке Стах, две недели назад вернувшийся «из-за речки», а если по-человечески, из колонии строгого режима.

Макаркин был «авторитетом», настоящим вором в законе. Жены не имел, только любовницу Ольгу. Но жил с нею уже девять лет, растил двоих «грызунов», мальчика и девочку.

Вернувшись из колонии строгого режима, Макаркин недельку пообщался с братвой, проверил «общак». Дома он починил всю капающую и гудящую сантехнику – этим премудростям Стах научился в «зоне», когда полгода проработал в слесарной бригаде. Был в его жизни такой неприятный период, о котором он предпочитал помалкивать: из вора в законе Макаркин превратился в вора в загоне. А что поделаешь, если все начальство на тебя наехало и гнобит навывлет, без предела?

Подлатав домашнее хозяйство, Виктор позволил себе расслабиться: отъедался Ольгиной стряпней, лениво потягивал пивко лежа на диване перед телевизором.

Вот тут-то он и услышал про «банкетход».

Стах так реально в деталях представил себе картину налета на «банкетход», что тут же стал перебирать в памяти своих дружков-бойцов понадежнее и поумнее. Накаченных дураков Макаркин не жаловал. О том, тянут ли они еще срок на зоне или гуляют на свободе, Стах не думал. Любой вопрос можно решить, считал он, если в твоей «мансарде» больше двух извилин.

Ольга не слышала зажигательную песенку про новое чудо сервиса. Как только Стивен Сигал взмыл в воздух с крыши вагона, она встала с дивана и отправилась на кухню. Пока по телику «давали» рекламу, Ольга всегда успевала сотворить на кухне массу полезных дел: почистить десяток картофелин, перемыть гору посуды и даже приготовить Стаху кофе и поджарить тосты с сыром.

На этот раз она зажарила яичницу с помидорами и мелко нарезанной ветчиной – Макаркин сильно уважал такой закусок, а Ольга любила доставить ему удовольствие. Не так уж часто ей выпадала возможность это сделать.

Когда она торжественно внесла в комнату дымящееся блюдо, на приготовление которого ушло полдюжины яиц, и поставила на сервировочный столик перед Стахом, то почувствовала, что пока занималась стряпней, в его настроении произошел крутой перелом. Куда только подевались его расслабленность и благодушие?! Лицо стало сосредоточенным, взгляд озорным и жестким одновременно. Ольге такой взгляд был хорошо известен.

«Ну, вот! Чертики в глазах забегали, – огорчилась она. – Не успел жирку нарастить, а уже запал на что-то новенькое».

– Хорошая мысль посетила? – спросила Ольга дипломатично.

Макаркин не торопился с ответом. С удовольствием оглядел яичницу, обильно присыпанную тертым сыром, и поднял вверх большой палец.

– Ну, ты у меня и кудесница! Такую бы кашеварку нам на зоне иметь! Из говна конфетки бы стряпала.

– Обойдешься! Загремишь по новой – черствой краюхи не принесу. Будешь баланду хлебать, как последняя шестерка. По глазам вижу – новое дельце себе придумал.

Ворчание подруги Стах пропустил мимо ушей. Спросил с мечтательной улыбкой:

– Ольга, ты такие стишки слышала:

² Вор в загоне – вор, вынужденный обстоятельствами работать.

Веселится и ликует весь народ
По Москве-реке плывет банкетоход!

– В ушах от этих стишков свербит. Каждые пять минут рекламщики подвывают! И по телику, и по радио.

– Устрою-ка я тебе большую жрачку на этом «банкетоходе». Наедемся на неделю вперед. А то и на целый месяц! Можешь себе представить, среди каких «сазанов» и «стерлядок» будем там кайф ловить?

– Видала я их всех!.. На этом хреновом «банкетовозе», наверное, половина пассажиров – личная охрана этих самых «стерлядок». И ментов немерено. Нашел бы ты, Макаркин, дело попроще.

Ольга сразу сообразила отчего «забегали чертики» в глазах сожителя. Как говорится, с кем поведешься...

– Да уж проще только пень в роще, – задумчиво пробормотал Стах и с жадностью набросился на еду.

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ РЕЖИССЕРА ЗАБИРУХИНА

Проявил интерес к рекламе и успешный шоу-бизнесмен, режиссер Семен Семеныч Забирухин.

«Классный блокбастер можно снять: “Ограбление банкетхода”. Раздобуду для съемок современный речной лайнер. На нем городская элита, звезды эстрады, вся богатая московская шваль. Место действия – Московское море. В разгар гулянки, под покровом ночи лихие молодцы...»

Забирухин представил себе накал страстей на подвергшемся разграблению банкетходе и восторженно произнес: «Ну, просто пираты Московского моря! А в предводителях у меня будет Владик Гарденский. Сценарий напишу сам. Та еще будет штучка! Надо только спонсора побогаче найти. Может, этого... как его? Крутого банкира...»

Фамилию «крутого» банкира Забирухин никак не мог вспомнить. Вспомнил только, что его жену зовут Ксения, у нее красивое лицо и остренький, как у лисички, выдающийся подбородок.

«Эх, если бы не этот подбородок, – подумал режиссер, – можно бы было банкиршу в киношке задействовать! Банкир бы легче раскошелился».

Перед мысленным взором Забирухина, почему-то возникло лицо известной американской актрисы с подбородком, похожим на Ксенин. Ее фамилию режиссер тоже не мог вспомнить.

ЧАСТНЫЙ СЫЩИК ФРИЗЕ

Частный сыщик Фризе, услышав бодрую песенку про банкетход, укоризненно покачал головой. Он уже давно дал себе слово не раздражаться по поводу рекламных роликов. Не проносить по их адресу, ни вслух, ни мысленно, никаких нехороших слов. А таких слов сыщик знал предостаточно.

Вспоминая мощный прыжок актера Сигала, Владимир подумал: «Как будет правильнее сказать? Сигал приземлился? Или “привагонился?” То бишь приземлился на крышу вагона? Ерунда, какая-то».

ДЮЙМОВОЧКЕ УКАЗАЛИ НА ВЫХОД

Следователь прокуратуры Центрального округа Москвы Галина Романовна Надеждина, которую частный сыщик Фризе нежно величал Дюймовочкой, иногда подолгу жила в его просторной квартире. Владимир называл это событие «стоять на постое». Иногда «постой» затягивался на несколько недель. Иногда даже на месяц. Но никогда не больше.

Лет пять-шесть назад у Фризе была любовница, нежная баскетболистка Берта. Потом она уехала в Швейцарию, тренировать местную команду. Через два года контракт закончился, но Берта так и осталась в Швейцарии. Наверное, потому, что ей уж очень понравилось смотреть из окон собственного шале на швейцарские Альпы и наслаждаться любимым шоколадом «Альпен-гольд». Она всегда была к нему равнодушна. Владимира временами мучило сомнение: уж не любит ли Большая Берта шоколад «Альпен-гольд» больше, чем его самого?

В те времена любовники соблюдали твердое правило: стояли «на постое» друг у друга попеременно. Квартира у Берты была ничуть не хуже, чем у Владимира, сыщик чувствовал себя в ней вполне комфортно.

А Дюймовочка своей квартиры не имела. Жила в общежитии. И радовалась, когда ее любимый Владимир Петрович приглашал к себе «на пару недель». Особенно во время сессий – Галина училась на заочном отделении юридического института, а у приятеля имелась прекрасная библиотека. В том числе и книги по юриспруденции.

Она лежала на диване в гостиной и просматривала старые выпуски «Следственной практики». Искала подходящие примеры для курсовой работы на тему: «Роль интуиции в работе следователя». Дюймовочка никогда не решилась бы писать о такой зыбкой материи, как интуиция, но Фризе уговорил. Он умел уговаривать.

– Своей работой ты приятно удивишь преподавателей, – сказал Владимир. – Им надоела тягомотина, которую из года в год сдувают друг у друга заочники и выдают за курсовые. А, удивившись, преподы решат: перспективная девица, мыслит свежо и нетрадиционно. В вашей богадельне ведь кое-кто из Генпрокуратуры лекции читает. Глядишь, и пригласят в свою контору. Как нетрадиционно мыслящую.

– Я мыслю традиционно, – обиделась Дюймовочка. – И не вам, Владимир Петрович, бросать мне такие обвинения!

Фризе смутился. Отсутствие чувства юмора у приятельницы, иногда ставило его в тупик.

– Галина, нетрадиционно мыслить, совсем не означает иметь нетрадиционную сексуальную ориентацию.

– А-а...

– Бэ-э... – сердито бросил сыщик.

– Разыгрываете скромную девушку, – усомнилась Дюймовочка в искренности Фризе. Но после некоторых раздумий решила писать о следовательской интуиции. И теперь мучилась. Коллеги по службе и авторы журнала «Следственной практики» делали вид, что о слове интуиция и слыхом не слыхивали. Наверное, стеснялись упреков в ненаучном подходе к теории доказательств.

Наконец в одном из выпусков «Следственной практики» Галине попало на глаза описание любопытного следственного казуса, решенного не без помощи интуиции.

В одной из московских квартир был обнаружен труп мужчины с огнестрельными ранами. Причем на одежде убитого было одно отверстие от пули, а на груди – два раневых канала. В правоохранительных органах ломали головы, как это стало возможным. И вот тут-то один из следователей проявил свою интуицию. И раскрыл с ее помощью преступление. И даже употребил это «кошунственное» слово в журнальной статье.

Дюймовочка достала из-под подушки толстый блокнот и карандаш, чтобы переписать туда долгожданный пример следовательской интуиции, но в этот момент тихо зажужжал телефон. Фризе не выносил громкого перезвона и поэтому настроил аппараты так, чтобы они едва-едва посвистывали.

– Але, – сказала Галина в трубку. – Вас слушают.

– Вы почему не смотрите телевизор? – спросил мужчина. Голос у него был напористый и звонкий. Незнакомый Дюймовочке голос.

– А что там стряслось? – спросила она пугаясь. Но мужчина уже отключился.

Дюймовочка заложила карандашом страницу журнала, с которой начиналась нужная ей статья, и взяла со столика пульт дистанционного управления. И только сейчас заметила, что экран телевизора светится.

«Владимир Петрович вернулся? – подумала Галина. – А я и не услышала, как он двери открывал».

Фризе сегодня встречался с потенциальным клиентом, бизнесменом, которому требовалась срочная помощь. А какая помощь, делаешь даже намеком отказался по телефону. Сказал: «Все при личной встрече».

Картинка в телике отсутствовала. Весь экран занимало объявление. Галина не сразу врубилась, что там написано. «Господи, ЧП какое-то стряслось? Или это сообщение о профилактике на канале?»

«Галина Романовна! – было написано на экране крупными буквами. – Советуем Вам на некоторое время покинуть квартиру Вашего приятеля и пожить в своем общежитии. Интуиция нам подсказывает, что этот шаг пойдет на пользу всем хорошим людям».

Дюймовочка для верности перечитала послание и с трудом удержала внезапно подступившие слезы. Галина Романовна была, прежде всего, легко ранимой женщиной, и, только потом, следователем Межрайонной прокуратуры. И такого коварства от своего возлюбленного она не ожидала.

В авторстве Владимира Петровича Дюймовочка ни секунды не сомневалась: Фризе даже в это короткое послание ввернул свое любимое словечко «интуиция»!

О практической стороне вопроса Галина задумываться не стала. Среди ее приоритетов техника находилась на предпоследнем месте. Между оперой и политикой.

– Могли бы, господин хороший, указать мне на дверь при личной встрече, – прошептала она и все-таки всхлипнула. И еще раз взглянула на экран. Но он уже был черным, как ночь.

– Нечестно так поступать, Владимир Петрович! – с горечью выкрикнула Галина, как будто была уверена, что Фризе обязательно услышит ее гневное обращение. – Неужели гостей ожидаете? Свою распрекрасную дылду Берту? Или шпионку из Германии?

В голосе девушки появились сварливые нотки. «Шпионкой из Германии» Дюймовочка называла приятельницу сыщика немку Лизавету, служившую в Интерполе.

– За шпионку извините, Владимир Петрович, – тут же поправилась Галина. – Я погорячилась. А вообще-то... Сколько раз вы мне говорили: правду-матку надо резать, глядя в глаза? И так обложались.

Дюймовочка собрала свои пожитки: несколько тетрадей с конспектами, толстенную книгу по истории международного права, DVD с «Ускоренным курсом английского языка», плеер, скромный набор косметики. Подержала в руках выпуск «Следственной практики» со статьей об интуиции. И бросила на диван.

«Дорогой Владимир Петрович, – мысленно обратилась она к своему любимому мужчине. – Оставайтесь в своей уютной квартире со своей интуицией и бывшими любовницами. А я, как «нетрадиционно мыслящая», найду для курсовой другую тему. Например, «Преступления в состоянии аффекта на почве ревности». Или еще прикольное – «Изучение личности

и образа жизни подозреваемого». А в качестве главного героя курсовой у меня будет частный сыщик Владимир Фризе».

Она наконец-то смахнула с ресниц слезинки и улыбнулась.

Часть своих дамских причиндалов Дюймовочка намеренно «позабыла» уложить в просторную замшевую – подарок Владимира Петровича – сумку. А вдруг хозяин квартиры наткнется на них, вспомнит свою «малышку», поймет, что поступил дурно, раскается и попросит прощения за глупую шутку?

В любом случае «забытые» вещи – хороший предлог для встречи. Владимир Петрович ведь не оставит себе «на память» ее комбинации и лифчики. Он же не фетишист, какой-нибудь.

В прихожей Галина Романовна задержалась на несколько минут перед огромным, до потолка, старинным зеркалом. Ей хотелось выйти из квартиры гордой и независимой. И красивой. А для этого надо было поработать над прической, «подобрать» соответствующую моменту улыбку. Слегка ироничную и отрешенную.

Слегка погримасничав перед зеркалом, она одобрила свое отражение. Подумала: «Хорошо бы сейчас встретить Владимира Петровича и бросить на него вот такой независимый и загадочный взгляд. Чтобы он пошире открыл свои голубые глаза, взял меня на руки и отнес в спальню. И целовал, целовал, целовал...».

«Разбежалась!» – строго одернула себя Дюймовочка. И, чтобы окончательно избавиться от сладкого видения, показала своему независимому и загадочному изображению в зеркале язык.

Потом она вынула из сумки ключи и положила на самое видное место. На подзеркальную полку. Но тут же взяла их назад: квартиру следовало закрыть на все запоры, да еще поставить на милицейскую охрану. После нескольких попыток ограбления, Фризе принимал все меры предосторожности. Следователь Галина Надеждина и познакомилась с ним, расследуя смерть одного незадачливого налетчика.

КОНТАКТ

«Ну, вот! Не дали малышке спокойно поработать над курсовой, – подумал сыщик, вернувшись домой и не обнаружив приятельницы. Он не сомневался в том, что Дюймовочку высвистало на службу начальство по какому-то срочному делу. Отсутствие записки он объяснил тем, что Галина очень торопилась или отлучилась на короткое время. Исчезновения некоторых предметов, принадлежащих Дюймовочке, он даже не заметил.

Обедал Фризе в одиночестве. И даже не пригубил ничего спиртного: решил, что наверстает за ужином. Вместе с малышкой. Но и ужинать ему пришлось в одиночестве.

«Где же ее черти носят?» – рассердился Владимир и набрал номер мобильного Дюймовочки. «Телефон абонента выключен или находится вне досягаемости Сети», – сообщил ему протокольный женский голос.

– Тоже мне, мудрецы! Так выключен аппарат или находится вне досягаемости?

Звонить в прокуратуру он не стал. Кого там застанешь в такой поздний час кроме дежурного? А объяснять дежурному, кто спрашивает следователя Надеждину и зачем, Фризе не имел желания.

Владимир налил хорошую порцию виски, взял вазочку с миндалем и удобно устроился в кресле перед телевизором.

Вообще-то, он недолюбливал телевидение и смотрел, как правило, только документальные и научно-популярные фильмы. Изредка снисходил до «страшилок» с хорошими актерами в главных ролях.

Но сегодня показывали очередную серию фильма «Дживс и Вустер». И Фризе наслаждался игрой великолепного дуэта актеров Хью Лури и Стефана Фрая.

Это был единственный в последнее время сериал, который он удостоил своим вниманием. Прекрасная литературная основа – рассказы Вудхауза, их Владимир прочел еще в юности, бодрящая музыка, отличная режиссерская работа – все радовало в этом фильме. Да еще нынешний показ шел по каналу «Культура», на котором не было раздражающей рекламы! Или почти не было.

Неожиданно мимическая дуэль респектабельного слуги и шалопаю-хозяина прервалась, и на экране возникла скучная физиономия пожилого мужчины. Фризе насторожился. «Уж не постигло ли нас, какое-нибудь стихийное бедствие? Не дай господи, кто-то умер или случился государственный переворот!»

Явление незнакомого типа со скучной физиономией во внеурочное время на экране канала «Культура» не предвещало ничего хорошего.

– Здравствуйте Владимир Петрович! – сказал мужчина и попытался изобразить улыбку, но с первой попытки это ему не удалось. Он просто-напросто растянул губы пошире. Второй попытки он не предпринял.

– Я так и подумал, что застану вас за просмотром старины Вудхауза. Вы редко включаете «ящик». Простите, никак не отвыкну от этого уютного названия.

Фризе расслабился. Болтовня мужика с экрана ничем не предвещала тайфун в средних широтах или ввод танков в столицу. Владимир перебрал в памяти знакомых, которые смогли бы так ловко подключиться к его телевизору и дурить ему голову. Но никого не вспомнил. Технарей-умельцев экстра-класса среди его друзей не числилось.

– Только чрезвычайные обстоятельства заставили меня обратиться к вам.

– ЧП вселенского масштаба? Кто бы сомневался?! – Сыщик уловил по артикуляции, что «гость» вещает, на каком-то иностранном языке, а русский текст «доносит» переводчик.

«Ну, надо же! Мало им вломиться в мой телик, так они еще решили прикинуться иностранцами! Шуткари отвязанные!»

Человек на экране напомнил ему известного американского актера. Фамилии Фризе не помнил. У него всегда были трудности с именами и фамилиями иностранных актеров. И своих тоже. Но уже само по себе участие голливудской звезды в розыгрыше отдавало какой-то гаррипотерщиной.

– Не напрягайтесь! – успокоил мужчину. – Как вы сами иногда изволите выражаться, я «похож на какош, а какош, на кого хош».

– Женька, что ли? – вопреки всякой логике воскликнул Владимир и подумал о своем лучшем друге милицейском полковнике Рамодине. Тот хорошо знал все его присказки и прибаутки. И, даже не редко присваивал их себе.

– Вы что, издеваетесь? Разве я похож на российского мента? – обиделся мужик на телеэкране. – Считайте меня Шоном Коннери. Не ошибетесь. Если мы договоримся, я вам откроюсь.

– Если вы Шон Коннери, то я Штирлиц, – пробормотал сыщик и переключил телевизор на Первый канал. «Шон Коннери» присутствовал и здесь.

– Все это происки ЦРУ, – прошептал Фризе. – Вот Ассанж опубликовал новую порцию разоблачений...

Отключив звук, Владимир поднял трубку телефона. Но голос телевизионного гостя не пропал, а продолжал бубнить о том, как важно им найти взаимопонимание. Сыщик выдернул шнур из розетки и набрал номер телефона Рамодина. Никто не снимал трубку. «Поздновато я тревожу Евгения. Он всегда ложится баиньки рано, – подумал Фризе, но тут же нашел себе оправдание: – А мне можно морочить голову посреди ночи?»

Трубку наконец подняли. И голос у Евгения вовсе не был сонным. Скорее бодрым, но чуть-чуть запыхавшимся:

– Чего надо? – грубовато спросил полковник. И еще Владимир услышал хрипловатый женский шепот. Но слов он не разобрал. «Эх, не вовремя я со своим звонком!» – огорчился Фризе. Но отступать было поздно. Телефон у Рамодина был с определителем. Он все равно будет знать, кто звонил и, чего доброго, забеспокоится, станет перезванивать.

– Женя, прости, что так поздно, – повiniлся Владимир. – И по пустяковому поводу.

Рамодин молчал, а жена сказала теперь уже вгромкую:

– Да положи ты трубку!

– Ты, Жека, к моему телику ничего не подключал? Никаких приколов мне не подсуропил?

– Это ты о чем? О каких приколах?

– Да прошлый раз, когда мы футбол смотрели, ты все время резкость налаживал. Я и подумал – может быть, засунул в «ящик» какое-нибудь ноу-хау?

– Ну, ты даешь, старик! – возмущенно бросил приятель и отключился.

Фризе взглянул на экран.

– Будете еще кому-нибудь звонить, господин Штирлиц? – поинтересовался непрощеный виртуальный гость. Владимир готов был поклясться, что шнур по-прежнему был выдернут из розетки.

– Да вы не волнуйтесь! Просто выслушайте меня. От вас не убудет.

– Убудет! – сердито бросил сыщик. – Тоже мне, голова профессора Доуэля! – Он поднялся с дивана и ушел на кухню. Там телевизора не было, как ни просила об этом Владимира Дюймовочка.

На кухне Владимиру делать было абсолютно нечего. Три часа назад он уже плотно поужинал и вовсе не испытывал чувства голода. Но уже само появление в том месте, где господствовал отливающий хромированной сталью огромный холодильник настраивало на определенные мысли. Фризе, например, вспомнил, что от ужина остался большой кусок зажаренной свиной

шейки. Его можно было бы и не разогревать. Просто положить на тонкий кусок хлеба, налить стакан красного вина... Черт! Вино в столовой. А там стоит еще один телевизор.

«Ладно, перебыюсь! – подумал сыщик. – Не устраивать же мне второй ужин из-за того, что какой-то шутник решил, что я скачаю без общения с незнакомыми головами».

Он приоткрыл дверь в столовую и посмотрел на телевизор. Экран был темным и казался совсем безобидным. Но Фризе проявил несвойственную ему осмотрительность: комнату он пересек на цыпочках. Никто его не окликнул.

В спальне, уютно устроившись на кровати, Владимир с облегчением подумал: «про-рвался!» Как будто перешел через линию фронта. Последней мыслью перед тем, как уснуть, была мысль о куске зажаренной свинины, так и оставшейся в холодильнике.

Утром, намазывая лицо гелем для бритья, Фризе вспомнил строгую физиономию мужика на телеэкране. «Хорошенькое дело! Из-за него я не досмотрел фильм. Он всунулся на самом интересном месте!»

Мысль о незваном госте преследовала Владимира все утро. Даже внезапное исчезновение Дюймовочки отошло на второй план. Фризе лишь отрешенно подумал: «Вот так всегда – в одном месте прибыло, в другом убыло».

Кофе показался ему не таким ароматным, как он ожидал, яйцо, сваренное «в мешочек», пахивало рыбой. Если бы у сыщика на руках не было запутанного дела, за которое он взялся вчера во время встречи с одним известным бизнесменом, он не пожалел бы времени и сил, чтобы выяснить, кто устроил ему прикол с Шоном Коннери. Фризе не любил, когда его дурачат. Да еще так ловко! Мысль о том, что это проделки, неожиданно прервавшей свое гостевание Галины Романовны, Владимир сразу отменил. У нее даже с кофеваркой постоянно возникали проблемы.

Сыщик вспомнил о том, что в МВД есть особое подразделение, которое занимается преступлениями в сфере высоких технологий.

«Ну и фразочку я отлил! – осудил себя сыщик. – Хакерами они занимаются! Обыкновенными хакерами. И теми, кто контрафакт гонит. Но разобраться с шутниками, которым пришлось в голову проверять на мне нанотехнологии, им как раз под силу».

С технарями из МВД мог свести Евгений Рамодин. Но именно его в первую очередь Фризе и подозревал в розыгрыше.

Расследование закончилось, даже не начавшись.

«Вот встречусь с Женькой, устрою ему допрос с пристрастием и выведу на чистую воду!» – решил сыщик.

ОСАДА

После непрошеного визита «Шона Коннери», Фризе, включая телевизор, с опаской вглядывался в экран: а вдруг шутнику, который разыграл его, так понравилось морочить сыщику голову и он устроит еще какой-нибудь прикол? Еще почище первого. Но прошло несколько дней, телик вел себя вполне пристойно.

Но в пятницу 13 апреля снова «пожаловал» незваный гость. И Фреди Крюгер тут был вовсе ни при чем. Просто по пятницам показывали сериал «Дживс и Вустер».

В этой серии над Берти Вустером вновь нависла угроза женитьбы. Его школьный приятель пятый барон Чаффнел, а попросту Чаффи, провинился перед красоткой Полиной Стоукер, и она обратила свои взоры на Бертрана.

Респектабельный Дживс, лукаво улыбаясь, дал своему хозяину очередной мудрый совет, как избежать нежелательного развития событий. А потом вдруг согнал с лица улыбку и сказал, глядя прямо в экран:

– Владимир Петрович! Попытка связаться с вами сэра Шона Коннери закончилась неудачно. Я не тешу себя надеждой...

– Ну, вот! Приехали! – сердито воскликнул Фризе. Но его суровости хватило только на эти две короткие фразы. Не мог он смотреть на Дживса без улыбки. А поэтому вполне дружелюбно заметил:

– Вы почему со мной таким серьезным тоном заговорили? Прикалываться – так по полной. Люблю посмеяться от души. – И добавил, поиграв бровями: – А идиотских розыгрышей не терплю!

– Никаких розыгрышей, – пообещал Дживс. Фризе вспомнил, что недавно был сильно удивлен, прочитав в «Иностранке» юмористическое эссе Дживса-Лури о музыке. Но ни о музыке, ни о злоключениях своего хозяина Вустера, персонаж «из ящика», рассказывать не собирался:

– Вы явно обескуражены, господин Штирлиц, – продолжал он, проникновенно заглядывая сыщику в глаза. – Не скрою, в таких обстоятельствах и у меня могли бы возникнуть вопросы. Чтобы вы поняли суть проблемы, которую я собираюсь с вами обсудить, прочитайте Луи-Мари Венсана. В вашем иностранном журнале...

Владимир, вспомнив свое недавнее общение с Шоном Коннери, не поленился, встал с кресла и выдернул шнур из розетки. Подумал: «Так надежнее. Любовь к Дживсу-Лури еще не повод для того, чтобы поощрять этот затянувшийся розыгрыш».

Кроме того, Фризе задело, что Дживс с серьезной миной на лице обозвал его Штирлицем и ни разу не повеличал сэром. А в сериале «Дживс и Вустер» он, нужно и не нужно, сыплет: «Да, сэр, нет, сэр, отличная мысль, сэр!»

«Ну и катитесь колбаской! Потешились – и баста! Может быть, теперь оставите меня в покое? – Владимир с неприязнью разглядывал экран. – Со Штирлицем-то я сам обмишулился. Ну и что? Не Матой Хари же мне было представляться этому Шону Коннери?»

Он встал с кресла и начал прогуливаться по квартире. Пересек гостиную, потом кабинет. Четыре шага потратил на то, чтобы преодолеть крошечную комнату-тамбур перед прихожей. Ее назначение Владимиру всегда было непонятно. В ней не было окон и не стояло никакой мебели. Фризе держал там два велосипеда, мужской и женский. Он перевез их на городскую квартиру, когда продал дачу на Николиной Горе. И с тех пор ни разу на велике не катался. Но ухаживал за ними очень тщательно – смазывал, вытирал пыль. Это были шведские велосипеды, на которых его бабушка и дедушка катались еще до Октябрьской революции. А потом на этих же велосипедах прогуливались по окрестностям Николиной Горы и даже пускались в дальние путешествия по Московской области его родители. И сам Владимир продолжал семейную тра-

дицию, с той только разницей, что предки всегда катались друг с другом, семейными парами, а у потомка подруги менялись очень часто и доверять им дорогие сердцу велики Фризе остерегался. Катался в одиночестве. Холостяки – люди привередливые.

Эти шведские велосипеды были одним из многих звеньев, которые помогали ему держать связь с прошлым.

Из помещения с велосипедами Фризе шагнул в просторную прихожую. Дошел до входной двери и на обратном пути остановился перед гигантским старинным трюмо.

Человек в зеркале ему очень не понравился: улыбочка независимая, а глаза растерянные. Как будто этот человек забыл, сколько будет дважды два и, пока лихорадочно вспоминает, делает вид, что держит все под контролем.

«Дурак ты, Фризе, а не сыщик! – сказал он своему зеркальному двойнику и хотел показать язык, но поостерегся. Бабушка, когда-то его предупреждала: будешь кривляться перед зеркалом, таким кривым и останешься на веки вечные.

При воспоминании о добрейшей бабушке он невольно улыбнулся во весь рот и подумал:

«А что, если взять и подарить оба телика, какому-нибудь детскому дому? Телевизоры почти новые, цифровые. Ребятишкам будут в радость».

Мысль об этом словно камень у него с души сняла.

«Вот будет смеху, когда они вместе с училками усядутся смотреть передачу “Спокойной ночи, малыши”, а с экрана Дживс скажет: “Ну как, господин Штирлиц, вы готовы обсудить мое предложение?”»

Он подмигнул своему отражению в зеркале и отправился в обратный путь. Фризе давно подсчитал, сколько шагов надо сделать, чтобы пройти по квартире от окна на кухне до входных дверей: сто двадцать. Когда на улице лил дождь или мороз подбирался к двадцати градусам, «барражирование» по квартире заменяло ему прогулки по городу. Да и в хорошую погоду помогало собраться с мыслями.

Он проходил по гостиной, когда, его окликнул приятный, хриловатый басок:

– Володя!

На экране телевизора красовался мужчина средних лет. Невысокий, плотный. Можно даже сказать, толстяк. Он был в костюме и при галстукe, но поверх костюма был накинут белый халат. Позади, насколько хватало глаз, простирались освещенные ярким солнцем пески.

– На войне, как на войне! – строго произнес Фризе, не спуская глаз с гостя. – Это уже не шутки, господин пришелец, а настоящий террор. Несанкционированное вторжение в частные владения. Вам серьезная статья светит!

Он понимал, что зря сотрясает воздух, что тот, кто устроил этот розыгрыш, не слышит его, но удержаться не мог.

– Что я тебе посоветую, Володя? – ворчливым голосом сказал мужик, пропустив мимо ушей предупреждение. – Брось-ка ты артачиться. – Ты это... Короче, не будь дураком. И слушай меня внимательно.

Он сложил руки на груди и потер ладонями локти. Как будто стоял в нерешительности на берегу реки и раздумывал, прыгать ему в холодную воду или нет? Только откуда было взяться среди песков холодной речке?

Но едва уловимая игра света и тени на его широком лице не примерещилась же сыщику? Так бывает, когда от легкой водной ряби отражаются веселые солнечные зайчики.

– Ты чего молчишь, сыщик? Может, плохо слышишь? Я бы мог и поближе подойти, да тут речка.

«Вот! Есть все-таки речка! – с удовлетворением подумал Фризе, на секунду забыв, что его всего-навсего, разыгрывают. – Догадливый я малый! Не растерял наблюдательность!»

– А перевозчик вторую неделю пьет, – пожаловался пришелец. – Какой-то проходимец с вашей стороны ему коробку виски подарил. Коррупция, она и у нас коррупция. Взятка, если по русски выражаться.

Упоминанию пьющего перевозчика Фризе не придал значения. Господи, да кто только не пьет в нашем мире?! И короли, и президенты, и академики и плотники. Перевозчики не исключение.

– Так будешь меня слушать или нет?

«А почему бы и не послушать? – подумал Владимир. – Пусть повеселятся. От меня не убудет. Если выслушаю до конца, может быть, они отстанут?»

И тут ему, словно кто-то шепнул на ухо: «Фризе, опомнись! Какой это, к черту, розыгрыш! Ты же “живую” разговариваешь со своими непрошеными гостями. Они адекватно реагируют на твои реплики, вразумительно отвечают. – Владимир тряхнул головой. – Бр-р-р! Какая-то абракадабра! Такого просто не может быть!»

А беспроводная связь? – Сыщику показалось, что он нашел рациональное объяснение всем “чудесам”. – Сидит где-то в укромном уголке паскудник и вещает».

Но что-то тут не стыковалось. А вот что...

– Ты, Володя, не с бодуна ли сегодня? Никак не можешь сосредоточиться! – начал проявлять нетерпение собеседник.

Сыщик обреченно вздохнул.

– Уже сосредоточился, вещайте.

– Послушай, клоун! Я сейчас тебе такое «вещание» устрою, что век будешь помнить!

Владимир непроизвольно зажмурился, когда увидел, как мужик тянет с телеэкрана к его лицу здоровенную волосатую руку.

Щелчок по носу был таким сильным, что из глаз сыщика непроизвольно брызнули слезы. Справившись с шоком, Фризе посмотрел на экран.

Обидчик сказал как ни в чем не бывало:

– Ты бы присел, милоч. Разговор у меня долгий. Ноги пожалей. Тебя артриты-артрозы не мучают?

– Не мучают, – Буркнул Фризе и сел в удобное кожаное кресло. В детстве, свернувшись калачиком, он любил засыпать в этом кресле, обняв большого плюшевого медведя.

– И, слава богу! Нервишки целее будут, – философски заметил гость. – Кстати, здесь удивлены твоим отказом покалякать с уважаемыми людьми. Твоих любимых мужчин на разговор присылали! Командера Бонда. Непревзойденного пройдоху Дживса. Чем они тебе не угодили?

Мистер Бонд решил, что во всем российский менталитет, прости Господи за корявое слово, виноват. Дескать, все в России не как у нормальных людей.

– Ку! – не выдержал Фризе и развел руки, словно петух крылья, перед тем, как закукарекать.

– Не надо, Володя! – Укоризненно произнес собеседник. – Не коси под Бельмондо³.

От словечка «менталитет» сыщика тоже тошнило. И нос болел нестерпимо. Его так и подмывало встать с кресла, пойти в прихожую и исследовать перед зеркалом пострадавший нос.

– Готов к серьезному разговору? – спросил странный мужик, расположившийся на берегу невидимой речки.

Фризе не терпел принуждения в любом виде и сейчас с трудом подавил в себе желание, взять молоток и разбить экран. Любопытство разбирало: что еще за серьезный разговор хочет предложить ему виртуальный пришелец?

³ Бельмондо в среде заключенных, называют разного рода придурков.

Да, именно любопытство, а не лень, вопреки утверждению товарища Троцкого⁴ на одном из забытых ныне партийных съездов, являлось двигателем прогресса.

– Я, кстати, тоже присяду, – сказал мужик.

Он осторожно, словно боясь помять на широких брюках шегольские стрелки, сел прямо на песок.

Но никаких брюк со стрелкой не было видно. Так... Кой-какие обтрепанные и замызганные брезентовые штаны.

Фризе показалось, что песок похож на бутафорский, приклеенный к мягкой основе. И еще он обнаружил, что рядом с тем местом, на которое приземлился гость, валяется чинарик папирасы. О чем-то этот чинарик говорил. Но о чем? Фризе пытался вспомнить, но не мог. О чем-то очень важном...

– Ты, конечно, знаешь про Закон сохранения материи? – спросил собеседник.

Сыщик приготовился услышать от незваного гостя все, что угодно, но только не вопрос из учебника физики. С физикой и химией у него в школе имелись проблемы. Если честно, учителя «натягивали» ему пятерки по этим предметам, только для того, что бы «не портить общую картину». Но тем не менее он постарался не ударить лицом в грязь:

– Как мне помнится со школьных времен, закон называется несколько иначе.

– И как же он называется, этот закон?

– Закон сохранения и превращения, – не очень уверенно произнес сыщик. – Превращения энергии.

– Значит, сдал экзамен – и вон из головы? Ни разу в жизни больше о нем не вспоминал? Поройся-ка в памяти!

Владимиру словно, кто-то подзатыльник отвесил. Он вспомнил чернее-черного усыпанное звездами небо, бушующее море, услышал басовитый голос ученого собеседника, который, стараясь перекричать свист ветра, рассказывал о том, что Закон сохранения и превращения энергии совсем не так прост, как некоторые недоучки себе его представляют.

Фризе хотел сказать об этом, но гость исчез. А экран поразительно смахивал на аспидно-черное Средиземноморское небо, под которым сыщик прослушал увлекательную лекцию о превратностях судьбы разных видов энергии. На экране телевизора не хватало только россыпи невероятно ярких звезд.

«Ну, артист! – подумал Владимир. – Дал мне время очухаться? Поразмышлять?» – Он незаметно для себя стал относиться к своим «гостям», как к вполне реальным персонажам.

⁴ Генри Миллер.

ШТОРМОВОЙ ПЕРЕХОД

Несколько лет тому назад любовница Фризе Берта купила им путевки в круиз по Средиземному морю. Время она выбрала неудачное – ноябрь. Море нещадно штормило, теплоход «Армения», самый шуплый и захудалый в Черноморском пароходстве, угрожающе скрипел и норовил зачерпнуть побольше соленой средиземноморской воды. Пассажиры валялись в своих каютах и блевали. И поэтому в ресторане наслаждались великолепной едой лишь четыре-пять отважных, не подверженных морской болезни гурманов. Фризе приходил в ресторан одним из первых. Но не самым первым. Первым всегда был большой лысый дядька, балагур и анекдотчик, просивший у каждого из оставшихся в строю пассажиров совета, что ему купить на имевшиеся у него доллары. На сорок два доллара. Ровно столько позволила советская власть обменять каждому туристу. Свои сорок два доллара его супруга берегла, чтобы потратить их на острове Мальорка. По слухам, за эти деньги там можно было купить бусы из искусственного жемчуга.

Супруга дядьки-балагура была женщиной необыкновенной толщины. По профессии врач-диетолог. Агрессивное состояние морской стихии и вынужденная диета сильно помогли толстушке: когда после двадцати шести дней круиза потрепанная «Армения» вернулась в Одессу и пассажиры снова увидели врача-диетолога, они ахнули от удивления. С жемчужным ожерельем, в наскоро ушитом платье, она была очень привлекательна. И походила скорее на танцовку из ансамбля Игоря Моисеева, чем на врача-диетолога.

Но в воспоминаниях Фризе дама была проходным персонажем. Сыщика озадачило явное сходство идей, которые пытался развить перед ним «гость из ящика» с теми «откровениями», которые он впервые услышал от ее супруга.

Дядька-балагур первым появлялся в корабельном ресторане и, пользуясь отсутствием супруги, поглощал еду в огромных количествах. Два хороших едока в пустынном ресторане самой обстановкой были просто обречены на знакомство. Лысый крепыш, испросив у Владимира разрешения, пересел за его стол. Он оказался доктором биологических наук, заместителем директора научно-исследовательского института. Звали его Ростислав Игнатьевич.

– Главное достояние нашего учреждения, – с гордостью поведал новый знакомый, – мозг известного революционера. Нас и создавали только для того, чтобы изучать, изучать и изучать этот выдающийся артефакт. Да простит его бывший обладатель, мой цинизм.

От этого доктора наук, – его лысая голова постоянно напоминала сыщику голову «известного революционера», – Фризе и услышал кое-что новенькое о Законе Ломоносова – Лавуазье.

Своими откровениями Ростислав Игнатьевич поделился с Фризе во время ночного перехода из Алжира на Мальорку. Шторм в эту ночь превратился в настоящую бурю. Владимира не оставляло чувство, что это их последний переход и «Армения» вместе со всеми пассажирами вот-вот пойдет на дно. Наверное, похожие мысли занимали и мозг ученого-биолога. А такие моменты всегда способствуют доверительным разговорам.

– Человек обладает умом, – безапелляционно провозгласил Ростик, после того, как они долго сидели молча на полубаке, а лихие порывы ветра у них на глазах размлачивали в щепу стол для пинг-понга.

Была бы погода получше, Фризе непременно возразил Ростиславу Игнатьевичу. Дескать, а как быть с дураками? Тупягами-мертвягами и прочими безумцами. Но метеорологическая обстановка не располагала к дискуссиям.

– И у каждого есть душа.

Упоминание о душе из уст доктора биологических наук заинтересовало сыщика.

– Вот как?

Ученый не почувствовал скепсиса в реплике Фризе, а может быть, и саму реплику не услышал из-за гула разыгравшейся стихии.

– Я имею в виду эмоции человека, его духовный мир. Вы меня понимаете?

Владимир кивнул.

– И вот, человек, венец творения Господа, как говорят богословы, умирает. Его тело превращается в прах, в гумус, в золу. Дает импульс для нового цикла развития природы. Вы меня понимаете?

Похоже, что доктор наук не был вполне уверен, что юристы тоже обладают кой-каким интеллектом.

Фризе, чтобы не разочаровывать Ростислава Игнатьевича, снова отделался кивком.

– Мы давно используем на практике механизм действия Закона сохранения и превращения материи. Но сказав А следует сказать и Б! Еще в Древнем Риме говорили: «Ex nihilo nihil fit». Что означает...

– Не трудитесь! – остановил Фризе собеседника, впавшего в менторский тон. – Это означает: «Из ничего ничего не происходит». Мы на юрфаке латынь проходили.

– Проходили! – презрительно буркнул доктор наук.

Фризе специально употребил это словечко, чтобы собеседник спустился с профессорской кафедры на землю, вернее, на море, которое в любую минуту могло поглотить их утлую «Армению» и даже не заметить этого.

– Так вот, Володя, – после некоторой паузы, нормальным, почти задушевым тоном, сказал Ростислав Игнатьевич, – если материя и энергия не исчезают бесследно, а преобразуются в другие формы материи и энергии, то надо быть последовательными и признать, что наши мысли, чувства – весь потенциал интеллектуальной и духовной деятельности человека тоже не может исчезнуть бесследно. Куда же все это подевалось? Псу под хвост? Нет, Владимир Петрович! Если уж Закон сохранения и превращения имеет всеобъемлющее значение, он распространяется и на духовные субстанции.

– Один мой любимый писатель выразил эту идею значительно короче и образнее.

– Да-а? – В этой реплике Фризе почувствовал и сарказм и недоверие. – И как же этот ваш любимец сформулировал передовую научную мысль?

– «Нет ничего прочного, устоявшегося, неизменного. Все текуче, потому что все сотворенное тоже творит».

– Ну, знаете... – снисходительно начал Ростик, но в этот момент порыв ураганного ветра подхватил фанеру и щепки от разбитого игрового стола и унес ввысь. В сторону перемигивающихся звезд Млечного Пути. А может быть, к берегам солнечного острова Кипр. Собеседники молча проследили за тем, как фанера, словно ковер-самолет Аладдина взмывала все выше и выше и, наконец, исчезла в темноте.

– Однако! – пробормотал ученый. – Дотянет ли наша посуда до Мальорки? – К словам сыщика он уже не возвращался. Владимир мог поклясться, что Ростик и знать не знает ни о каком писателе по имени Генри Миллер.

«Останемся живы, поставлю свечку покровителю всех мореплавателей, – решил Фризе. – Кажется, это святой Николай. В Морском Николаевском соборе в Питере я и поставлю свечку».

– Так вот, у нас есть данные, что в полутора метрах над Землей существует субстанция, в которой концентрируется энергия разума и души умерших. Эта субстанция...

Ростик задумался. Молчал он так долго, что Фризе показалось – ученого мужа укачало и он сейчас сорвется с места и побежит к борту. Облегчить желудок. Но вместо этого он пригладил на голове несуществующие волосики и проникновенно вымолвил:

– Ай-яй-яй! Как же я был неправ, называя это субстанцией! Болван!

Таким самокритичным Ростислав Игнатьевич понравился сыщику больше, чем самодовольный вещун-профессор.

– Вот что значит хорошая встряска. Какая удача, что мы попали в сильный шторм! Он буквально вправил мне мозги. А, может быть... – собеседник поднял голову, окинул взглядом аспидно-черный небосвод, разделенный пополам Млечным Путем, но на этот раз комментарии не последовало.

– Не заглянуть ли нам в бар? – предложил Фризе. Он решил, что Ростик сильно хватил перед ужином, а клин, как известно, клином вышибают.

– В бар? Хорошая мысль. Кстати, если мысль – особая форма энергии человека, то после его смерти она, как и все другие виды энергии, никуда не исчезает, а концентрируется в том слое, о котором я только что вам рассказал. Только назвал его некоей субстанцией. А это не совсем точно. В этом слое накапливается вся энергия, которой обладал человек – энергия мысли, энергия любви, энергия зла. Этот слой оказывает колоссальное влияние на нашу жизнь. Вы со мной согласны?

– Звучит убедительно.

– «Звучит убедительно!» – передразнил Ростик. – Фризе, я вам излагаю причину стремительного ускорения прогресса! Дело вовсе не в том, что люди рождаются более умными! Не согласны? Да вы оглянитесь вокруг... – Ростик широким жестом указал на палубу. Как будто хотел убедить Владимира, что люди ни на йоту не поумнели за два последних тысячелетия. Но, кроме них, на пляшущей палубе никого не было.

– Все объясняется влиянием коллективного разума, сконцентрированного в полутора метрах над поверхностью нашей планеты. Скажите, почему большинство умников люди невысокого роста?

– Ах, не знаете? – с победоносным сарказмом заклеил доктор наук сыщика, хотя Фризе и слова не вымолвил.

– Так я вам объясню! Мозг этих коротышек находится в непосредственной близости к коллективному разуму ушедших поколений. Он подпитывается там, как аккумулятор автомобиля от сети.

– Не могу с этим согласиться, – запротестовал Владимир.

– Обидно? Какой у вас рост?

– Дело не во мне. Де Голль, например...

– Ну да, ну да... А, что вы скажете о Наполеоне? Ленин, Павлов, Черчилль... Несть им числа.

Забыв о недомерках, Ростик перескочил на другую тему:

– Вы знакомы с теорией о том, почему взрыв тунгусского метеорита оказался несоизмеримо мощнее, чем можно было бы ожидать от небесного тела такой величины? Нет? Я так и думал. Объясняю. Метеорит спровоцировал взрыв так называемого биослоя, в котором сконцентрирована энергетика ушедших поколений. Если бы не эта глобальная катастрофа, развитие науки на нашей планете шло значительно быстрее. Вы меня понимаете?

На этот раз вместо обычного кивка Владимир поднялся со скамьи и вместо того чтобы повторить приглашение Ростика отправиться в бар, сказал:

– Пойду, проверю, как там моя подруга. Не разбудил ли ее шторм?

– Она у вас очень обаятельная женщина, – сказал вслед сыщику Ростислав Игнатьевич. – И такая умница.

Похоже, теория биолога, о том, что самые умные люди – коротышки, на красивых женщин не распространялась. Берта была женщиной очень высокой. Профессия баскетболистки обязывала.

– Встретимся через полчаса в баре, – теперь уже предложил биолог. – Я доскажу вам нашу новую теорию. И объясню теорию коллективного разума.

– Яволь! – отозвался Фризе.

Но ни через полчаса, ни через час Владимир в баре не появился. Когда он пришел в каюту, Берта не спала и не мучилась морской болезнью. В легкой пижамной курточке она стояла на коленях и пыталась большой тряпкой – сыщик успел заметить, что это его рубашка, – собрать воду с ковра, которым был застелен пол каюты.

– Володька, как хорошо, что ты пришел! Поможешь мне.

– Корабль получил пробоину?

– Еще не получил. Я проснулась и поняла, что моя морская болезнь закончилась. Можешь себе представить? Встаю с постели – голова свежая и так есть хочется! Подумала, сейчас оденусь и пойду тебя искать. И закатимся в бар. И надо же дернула меня нечистая сила свежего ветерка в каюту впустить! Открыла окно, а волна как шарахнет!

В коротенькой – до пупка – прозрачной распашонке Берта выглядела такой нежной и соблазнительной, что Фризе даже не подумал присоединиться к «спасательным» работам. Он только отобрал у подруги свою рубашку, купленную, кстати сказать, два дня назад в дорогом афинском магазине, и бросил ее в ванну. Когда вернулся, Берта была уже в постели. Без распашонки.

– Ой, Володька, мы с тобой никогда не занимались любовью в такую бурю, – прошептала подруга, нежно обнимая Фризе за шею.

– Какой уж тут бар! – Любовь у них всегда затягивалась надолго.

На следующее утро, когда «Армения» ошвартовалась в Пальма-де-Мальорка, море было спокойным, солнце приветливым и ласковым. Теплоход выглядел умытым и повеселевшим. Из цепких лап разбушевавшейся стихии он вырвался с минимальными потерями: всего-то улетевший в сторону Кипра старенький стол для пинг-понга!

А вот крупный ученый Ростислав Игнатьевич, Ростик, как звали его за глаза туристы, старался держаться от Фризе подальше и не встречался с ним взглядом.

«Раскаивается за свою ночную откровенность, – решил сыщик. – Неужто, государственные секреты выболтал? Или стесняется, что от марксистской теории отступил?»

На Мальорке супруга Ростика обрела свою мечту – ожерелье из искусственного жемчуга. А дубленку за тридцать баксов ученый-биолог купил только в Риме. В толпе богомольцев и туристов на площади Святого Петра. Он так радовался этому событию, что ни у кого не повернулся язык сказать ему, что дубленка липовая, из искусственного меха.

ЛЮБИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ ВЛАДИМИРА ФРИЗЕ

«Чего ради он мне напомнил про Закон сохранения и превращения энергии? – размышлял Фризе о странном разговоре с «мужиком из ящика». – Слишком незначительный повод для материализации духов и внезапного появления на телеэкране! Неужели и Дживс с Бондом собирались потолковать со мной о точных науках? Ну и дела!»

Владимиру вспомнилась лукавая усмешка пришельца в тот самый момент, когда сыщик подумал о Средиземноморском круизе. Каким необъяснимым образом он догадался о разговоре Владимира с Ростиком в штормовом море?

Постепенно мысли Фризе с душ усопших, чья энергия, витая над планетой, так способствует научному и техническому прогрессу, переключились на живых людей. На одного конкретного человека. На женщину. Женщину красивую и нежную. О таких всегда очень приятно думать.

Фризе вспомнил, что эта женщина, бывшая любовница Берта, уже давно не баловала его своим вниманием. С тех пор как позвонила однажды поздно вечером, а трубку подняла Дюймовочка. Владимира в то время не было дома.

Как потом рассказала Галина Романовна, она разговаривала с Бертой очень вежливо, даже ласково. Ответила на все ее вопросы «о здоровье и настроении Владимира Петровича». Дюймовочка особо подчеркнула, что бывшая любовница настойчиво «выспрашивала про настроение Володьки».

– Я ей объяснила, что настроение у вас очень даже прекрасное. Что выглядите вы как огурчик и поправились на полтора кило.

Фризе представил себе реакцию Берты на ласковые ответы Галины и взгрустнул. Но перезванивать ей не стал. Решил повременить. Время сглаживает даже самые острые углы, а не только житейские шероховатости.

И вот теперь, вспомнив круиз, время, когда их любовь находилась на самом пике, Владимир взял мобильник и нажал кнопку быстрого доступа к нежной баскетболистке. Точнее, бывшей баскетболистке, а ныне тренеру швейцарской сборной.

Но так же, как и при звонке Дюймовочке, протокольный женский голос ответил: «Абонент находится вне доступа Сети или отключил аппарат». Разница была только в том, что на этот раз, «протокольный голос» ответил по-немецки.

«Не хотят со мной общаться живые люди, – посетовал Фризе. – Только призраки надоедают. Кстати, чего мне Дживс посоветовал почитать? Какую-то статью в иностранном журнале? В “Иностранке”, наверное».

Он вспомнил имя автора, которого назвал член «Клуба привилегированных слуг». Его звали Дидье ван Ковелер. Фризе понятия о нем не имел. Ни в одном из словарей, которые хранились в домашней библиотеке, такого автора не значится. Можно было бы поискать этого Дидье в Интернете, но Владимир принципиально игнорировал всемирную паутину. Считал, что на эту игрушку у него нет свободного времени. И, чего греха таить, боялся расстаться с секретами, которые хранились в его ноутбуке.

Оставалось позвонить Светке. Его старая приятельница Светка работала корреспондентом городской газеты, и сыщик иногда подбрасывал ей особо интересные темы для очерков. В редакции Светлана считалась одной из самых способных журналисток. Не проходило месяца без того, чтобы на страницах газеты не появлялись ее яркие и острые выступления.

Светлана Ивановна постоянно разъезжала по командировкам, собирала компромат на коррумпированных чиновников, с боем отстаивала на редколлегии свои «гвозди», а потом травила уйму энергии на то, чтобы доказывать в судах свою правоту. Только вот на то, чтобы создать семью, времени у нее не оставалось.

– Ты моя отдушина, – говорила Светка сыщику во время их редких встреч. – Все жду, когда ты на мне женишься.

Фризе в ответ только ласково и загадочно улыбался. Эту улыбку можно было понять по-разному, но женщины всегда прочитывали в ней утешительный для себя намек: «я не против женитьбы, но стоит ли торопиться?»

С женщинами Владимиру везло. Он мог бы с легким сердцем жениться на любой из своих приятельниц. И поэтому к сорока годам все еще оставался холостяком. Только Берта была вне конкуренции: когда она во время их редких встреч в Швейцарии, заводила разговор о женитьбе, Фризе отвечал:

– Назначай дату свадьбы! Но только жить будем в России.

Баскетболистка не соглашалась.

– Упрямая, стервочка! – ласково шептал ей Владимир. – Я же иду на такую жертву! Теряю мою любимую свободу.

– Это я теряю свободу, – отвечала Берта и принималась целовать своего любовника так горячо, даже неистово, как будто прощалась с ним навсегда.

Иногда на Фризе накатывало чувство острой неудовлетворенности собой из-за того, что он так легко сходится с женщинами. Даже его лучший друг Евгений Рамодин бросил ему однажды: «Ну ты и ходок, Длинный!» Владимир не понял – то ли, осудил, то ли позавидовал.

Точнее всего высказалась Светка. Когда на второй месяц их знакомства, покончив с рассказом о «табачной мафии», Фризе поднял журналистку на руки и отнес в спальню, она, улыбаясь, спросила:

– Вы женолюб, Владимир Петрович?

Это был последний раз, когда Светлана обратилась к нему на «вы».

Набирая номер Светкиного мобильного телефона, Фризе подумал, что вновь услышит про «недоступность» абонента. «Два раза бортанули, третьего не миновать!»

– Шеф подождет, не развалится! – услышал он голос приятельницы, продолжавшей разговор с кем-то из коллег. – Меня домогается милый дружок. Домогаешься, Володя, правда же? – сказала Светлана теперь уже в трубку.

– Еще как домогаюсь. Особенно, если ты читаешь журнал «Иностранная литература».

– Когда лечу в командировку. А что, в редакции проблемы? Похитили все интересные рукописи и тебя подрядили их отыскать?

– Тебе не попадался в «Иностранке» автор по имени Дидье ван Ковелер?

– «Клонировать Христа?»

«Интересно... – подумал Фризе. – Мистический туман сгущается».

– Володька, ты чего молчишь?

– Вспоминаю, что имеется в моем холодильнике и что следует прикупить к твоему приходу.

– Не забудь про мой любимый напиток! – повеселевшим голосом сказала Светлана. Любимым напитком журналистки было полусладкое шампанское. – К восьми не будет поздно?

– Светка, сегодня же пятница! Приходи к шести.

– Верно! Уже пятница! – Похоже, приятельница даже забыла на своей суматошной службе о днях недели. – Пятница, 13. Ты не собираешься выступить в роли Фреды Крюгера?

– Скоро узнаешь.

К шести часам Владимир был готов к приходу любимой журналистки. Когда однажды он назвал ее так в разговоре с Рамодиным, приятель усмехнулся:

– Они все у тебя «любимые»? А кто из них – «самая любимая»?

– Светка – самая любимая журналистка. Дюймовочка – самая любимая следовательша. Берта – самая любимая баскетболистка.

– И так далее, и так далее... – заржал Евгений.

– Тебе, Рамодин, надо поработать над собой. Смех у тебя чересчур милицейский! – рассердился Фризе.

Ожидая Светлану, Владимир испытывал некоторое беспокойство. Во-первых, телевизоры. А что если в самое неподходящее время на экране появится кто-то из гостей и продолжит толковать о сохранении энергии или о чем-нибудь похлеще?

Фризе собрался даже накрыть стол на кухне, где не было телевизора. Но потом решил поступить по-другому: вынес телик из столовой в чулан. Подумав, отправил туда же и телевизор из гостиной.

Этот аппарат был таким большим, что в чулане пришлось раздвигать накопившееся там с незапамятных времен барахло.

«Мучаюсь дурыю!» – ругал себя сыщик.

А еще он думал о Дюймовочке. Знал, что без предварительного звонка она никогда не позволяла себе появляться в его квартире, но ведь сейчас был особый случай. Галина Романовна исчезла внезапно, не оставила даже записки, не позвонила. И выключила мобильник.

Дюймовочка знала про всех – ну, почти про всех – «приятельниц» Фризе. Но «по умолчанию» считалось, что это всё бывшие «приятельницы». И вдруг она столкнется нос к носу со Светиком!

Отсутствие телевизоров гостя заметила сразу:

– А телик где? – спросила она, воззрившись на опустевшую тумбочку в гостиной. – Сегодня на первом канале шеф дает интервью о проблемах глобального потепления. Надо хоть одним глазком взглянуть.

– Забудь о шефах всяк сюда входящий. Да еще о таких всезнайках, как твой главный редактор. Недавно он вещал о том, как нам следует вести разведку нефтяных запасов.

– Да, он такой... Эрудит, – кивнула Светлана. – Чтоб он сказался! Я недавно вычитала в одном английском детективе, что мысль обладает материальной силой, и людской ненависти могло бы хватить на то, чтобы уничтожить человека. Я в это верю! Володька, давай поднапряжемся и отправим моего шефа к чертям собачьим!

Она оглядела гостиную внимательным взглядом.

– Где стоит второй телевизор? В столовой?

– Оба телика я выкинул в окно. Осточертели и сериалы, и твой шеф, постоянно мелькающий на экране. Чаше, чем культутрегер Швыдкой.

– Господи, что ты знаешь о сериалах? Всем известно, что ты за всю свою долгую грешную жизнь не посмотрел ни одного! – Светлана направилась в столовую.

– Там тоже нет телевизора! – предупредил Владимир. Но гостя уже и думать о нем забыла. Из столовой донесся ее восторженный вопль:

– Володька! Какой роскошный стол! Мои любимые крабы! И соленые грибы! Где ты их раздобыл?

Фризе застал Светлану, стоящей возле стола с большим рыжиком на вилке.

– И шампанское в серебряном ведерке! Кстати... – Светлана отдала должное аппетитному рыжику и, тут же, деловито поинтересовалась: – А ты, что собираешься пить?

– Закуска-то для водочки. В холодильнике, в холодной испарине, меня дожидается «Парламент».

– А мое любимое шампанское? Давай сейчас выпьем по бокалу, и я пойду приму ванну. Смою с себя все компьютерные вирусы. А потом помогу тебе расправиться с «Парламентом».

Они выпили по бокалу прекрасного советского шампанского, в меру сладкого и охлажденного. Потом Светлана налила себе еще один бокал и отправилась, торжественно держа его в узкой тонкой ладони, смывать «компьютерные вирусы». Еще несколько лет назад эта ритуальная формула звучала несколько иначе: «Иду смывать типографскую краску!»

Прогресс не стоит на месте.

Светлана появилась в столовой, покрасневшая, с весело поблескивающими глазами, у Фризе чуть не вырвалось: «Лапушка, да ты словно Афродита из пены!»

Вовремя удержав себя от банальной фразы, он бросил с восхищением:

– Ого, старушка!

На гостье была надета легкая светлая блузка, через которую просвечивали, словно созревшие вишенки, темные соски. На плечи Света накинула черный хозяйский халат.

– Ты меняпустишь за стол в халате? – спросила она, довольная произведенным впечатлением. – Согреюсь после первой рюмки и сброшу. Ты, Володька, заметил, что у меня уже не нулевой размер? – Светлана положила ладони на груди. – И никакого силикона. Я стала зрелой женщиной. Пора задуматься о бебике.

СТАХ ГОТОВИТСЯ К ОХОТЕ

Виктор Макаркин никогда ничего не делал с кондачка. Молодые журналисты из модных таблоидов, которых хлебом не корми, дай показать свою начитанность, написали бы о нем: «Медленно запрягает, да быстро ездит». К счастью, писать им про Стаха не доводилось. Ну да, как говорится, еще не вечер.

Начал Макаркин готовить дело с того, что усладил сожительницу Ольгу с «грызунами» в подмосковный санаторий «Мать и дитя». Чтобы не мешали думать.

Три дня он лежал на диване, пил пиво и смотрел телик без звука. Звук включал только тогда, когда на экране «давали» рекламу про «банкетход». Она Макаркина вдохновляла. Ускоряла мыслительный процесс.

Питался он эти дни кое-как. Отправляясь в санаторий, Ольга накрутила Макаркину гору котлет, рассчитывая, что их хватит на неделю. Но Стах, увлеченный разработкой операции «Банкетход», съел их в первые часы своего лежания на диване. Можно сказать, за «один при-сест». Или за «один прилег?» Такая мысль пришла Макаркину в голову, когда он расправился с последней котлетой и открыл очередную бутылку пива. Вот ведь как бывает: и вор в законе и сыщик, могут иногда в одно и то же время заинтересоваться вопросами из такой далекой от их повседневных забот семантики.

Три дня, несмотря на истощившиеся запасы продовольствия, Макаркин не выходил из квартиры. Но, когда закончилось и пиво, Стах покинул уютный диван.

Единственным итогом «диванных бдений» стало решение до поры до времени, никого не посвящать в свой замысел. Бывают же у людей минуты просветления! Особенно у тех, кто знает цену предательству. За всю его долгую уголовную жизнь это было самое правильное решение. И пришло оно ровно в тот момент, когда, открыв холодильник, Макаркин не обнаружил в нем пива.

– Ну, падла... Кто тут повеселился? – возмутился Стах. – Вот и доверяй людям.

Он с силой захлопнул дверцу и, вернувшись к дивану, пересчитал пустые бутылки. Двадцать четыре. Ровно столько, сколько он принес домой три дня назад.

– Ночью пиво могли выпить, а бутылки потом подложить! – Не поверил сам себе Макаркин. – Никому нельзя доверять. Ты к человеку со всей душой, а он потихоньку твое пиво поса-сывает. Или в ментовку стучит⁵.

Про ментовку Стах высказался, попросту говоря, ни к селу ни к городу, но какой-нибудь умник не упустил бы случая назвать это оговоркой по Фрейду.

Решив никого не посвящать в свои «банкетходные» замыслы, Макаркин тут же сделал все наоборот: намекнул об этом своему старому кирюхе Алику Жемердею. Жемердей была настоящая фамилия кирюхи, а Алик – кликуха. Как его звали на самом деле, никто не помнил.

С Аликом они встретились в пивной «У брата» на улице Дмитрия Ульянова. Лет десять назад пивная была очень популярна у ценителей хмельного напитка и подсоленных сухариков, любителей пошуметь и даже помахать кулаками. Со временем «контингент» откочевал в более значные места, все «устаканилось». «У брата» теперь можно встретить научных сотрудников Института истории, мирно обсуждающих вопрос, был ли Сталин внебрачным сыном тбилисского градоначальника или путешественника Пржевальского? Захаживают в заведение служащие музея палеонтологии и даже ненадолго отлучившиеся из стационара всемирно известной Клиники эндокринологии больные сахарным диабетом.

– Широко берешь! – выслушав Макаркина, прокомментировал его замысел Жемердей. И больше не сказал ни слова, пока не опорожнил кружку пива. А потом добавил: – Широко.

⁵ «В ментовку стучит» – ябедничает в милицию.

В пивной было пусто, чинно. И друзьям никто не мешал обсуждать насущные проблемы усиления криминогенной обстановки в городе Москве.

– Того стоит. Драгоценностей на бабах будет немерено.

– Они свои цапки в сейфах прячут. А надевают бижутерию. Дешевый мир. Показушники.

– Надо дожидаться, когда миллиардеры поплывут. Соберут свою кооперативную пьянку.

– Корпоративную.

– А есть разница? – приподнял правую бровь Стах.

– Никакой, – легко согласился Алик и поправил небрежным движением начинающую сесть прядь кудрявых волос. Он и кликуху свою получил за то, что педантично следил за своей внешностью: стригся у классной мастерицы, носил неброскую, но стильную одежду. Жемердею даже во время нередких отсидок удавалось сохранять свою шевелюру. – Разницы, я считаю, никакой, но господа называют свои коллективные пьянки корпоративными. Знаешь, Стах, там можно будет грабануть и какую-нибудь заморскую красотку. Эту, как ее... С титьками! За каждую маркоташку по сто миллионов могут дать.

– Разогнался. Дженифер Лопес ему подавай! А Воробыху не хочешь? – Ольга, сожительница Макаркина не пропускала ни одной передачи про голливудских звезд и, несмотря на его энергичные протесты, рассказывала Стаху, кто из них с кем живет, какую диету соблюдает и какой гонорар получил за последний блокбастер. Так что, хотел он этого или не хотел, а кое-какие имена зацеплялись в памяти.

Алик понял, что по части заморских и отечественных звезд, ему с Макаркиным не тягаться, и сразу посерьезнел:

– Надо поискать, не горбатится ли кто из наших на этих гребанных «банкетходах».

– Вот и я о том же, – тихо сказал Стах. – Надежный братан нужен.

– Морячок! – Жемердей подмигнул.

И оба засмеялись. Был у них на примете бывший подводник Лапушкин, частенько «ходивший в зону», а нынче крышевавший богатых яхтсменов на Клязьминском водохранилище.

– На парохде братану нельзя светиться. Его в порту каждая собака знает, – озаботился Алик. – Когда шухер начнется...

– Ему и незачем на борт соваться. Найдет нам надежного бойца. А лучше и двух. И катер за ним. Помощнее да побольше.

– У него яхта есть.

– Если яхту, то лучше попросить у Абрамовича, – сердито бросил Макаркин.

– Да это я так, шутки ради.

– Пошутим опосля. Сейчас, давай, прикинем картину битвы. Сколько кентов нам под ружье потребуется?

Они просидели «У брата» еще часа два, выпили по пять кружек светлой «Балтики» и остались довольны собой. «Картина битвы», хоть и подернутая еще легким туманом, начала обростать реальными деталями.

У СЫЩИКА ОТКРЫВАЮТСЯ ГЛАЗА

Только после того, как Света убрала со стола и перемыла посуду, а Владимир сварил кофе, гостя, подлив в чашку несколько капель коньяка, спросила:

– Ты интересовался работой о клонировании Христа. Это был предлог, чтобы заманить меня в свои сети?

– Я хотел совместить приятное с полезным.

– Надеюсь, что «приятная» компонента, это я?

– Прекрасная Компонента, вы не завели себе бой-френда-ученого? Уж больно по-ученому выражаетесь.

– Не нагнетай. Перейдем к Дидье ван Ковелеру. Ты читал его эссе?

– Нет. Но слышал, что это забавная вещица.

– Забавная вещица! – возмутилась Светлана. – Кто тебе сказал такую чушь?

– Один знакомый.

– Какой-нибудь нувориш из бывших братков? – журналистка знала, что большинство клиентов сыщика – бизнесмены и банкиры, которых она на дух не переносила. Но понимала, что для приятеля они – основная статья дохода.

– Ты можешь кратко и доходчиво пересказать такому профану, как я, суть сочинения этого Дидье?

– Могу. Я только что прочитала. Дважды! Для замордованной работой бабы, это что-нибудь да значит. Ты слышал о Туринской плащанице?

– Слышал. И про Аржантёвский хитон знаю, и про судариум из Овьедо знаю.

– Начитанный профан, – с уважением похвалила Светлана. – О чем же тогда тебе рассказывать?

– Автор упоминает про Закон сохранения и превращения энергии?

– Вот за что я тебя люблю, Володька... – Светлана посмотрела на него с такой доброй и ласковой улыбкой, что у Фризе заныло сердце. – Ты хотя бы догадываешься, за что?

– Нет.

– Ладно, проехали. – Она прикрыла глаза и сцепила в замок длинные тонкие пальцы. – Постараюсь быть ближе к тексту. Если и ошибусь, то самую тютельку.

«Все формы энергии преобразуются друг в друга; свет в электричество, электричество в движение, движение в тепло...» – Тут чего-то я забыла. Неважно! Цитирую далее:

«Если мысль – особая форма энергии, то любовь – особо мощное её выражение. Но для всякого преобразования энергии нужна машина».

Дальше автор эссе ссылается на какого-то ученого. Сейчас вспомню...

– Ты о сути, о сути! Не надо фамилий, – нетерпеливо бросил Фризе.

– «У меня есть подозрение, – сказал тот ученый. – Что человек – машина, которая служит для преобразования любви в какую-то другую форму энергии».

– А в какую?

– Он, наверное, и сам не знает. Но когда я прочитала эти мудрые слова, то подумала о тебе. И до сих пор они не дают мне покоя. Потому что ты такая машина, которая преобразует мою любовь в северный ветер. А я на этом ледяном ветру мерзну. – Светлана всхлипнула и уткнулась лицом Владимиру в шею. Он почувствовал, как за ворот рубашки поползли ее слезы. Очень горячие.

Крепко обняв подругу, осыпав ее лицо поцелуями, Владимир прошептал удивленно:

– Светка, с каких пор ты стала сентиментальной? Прежде за тобой такого греха не числилось.

– Ты не заметишь, как я в старушку превращусь. Встретишь на улице и не узнаешь, прой-
дешь мимо.

– Све-ти-к! – Он прижал к себе девушку еще крепче. Но не нашелся, что сказать в свое оправдание. Лукавить и говорить о любви у него язык не поворачивался. Слишком высоко оценивал это чувство. Зато нежность своим близким подругам Владимир дарил в избытке. Особенно Светке. Беда состояла в том, что она в отличие от некоторых других могла отличить нежность от любви. Но надеялась, что когда-нибудь нежность перерастет в любовь.

В тот вечер она почти поверила, что такая метаморфоза произошла. Владимир был таким нежным, таким пылким и неистовым, как никогда. Светка умирала и воскресала много, много раз. И, придя в себя, продолжала шептать:

– Володенька, еще, еще, еще...

Наверное, на час или на два они забылись крепким освежающим сном. Фризе проснулся первым. В квартире стояла глухая тишина. Даже с улицы не доносилось ни звука. Тройной стеклопакет, которым заменили старые, еще довоенные рамы, надежно защитил от городского шума.

Но неожиданно сквозь тишину прорвались приглушенные звуки: негромкий, сдавленный шепот, непонятное бульканье. Сыщик насторожился. Ему показалось, что звуки доносятся со стороны кладовки, в которую он запихал телевизоры. «Неужели, “фантомасы” могут вещать, не подключаясь к Сети? – недовольно подумал Фризе. – Только этого мне и не хватало!»

Он уже собрался пойти в кладовку, проверить, кто из «гостей» там митингует среди ночи, но в это время услышал характерные женские стоны. Сосед за стенкой «глушил» бессонницу порнофильмами. Время от времени такое с ним случалось. Тут уж не могло бы помочь и пробковое покрытие стен.

Ночничок на прикроватной тумбочке освещал умиротворенное лицо Светланы. Тонкие, правильные его черты открылись Владимиру совсем по-новому.

«Слепым я был раньше? – подумал он. – Или невнимательным? Видел, что мила и привлекательна, но разглядеть в этой неброской красоте породу не сумел. А еще горжусь своей наблюдательностью. Только поколения и поколения родовитых предков могли явить миру такой великолепный “продукт” естественного отбора, как моя Светка».

И еще он подумал о том, что благородство никогда не кричит о себе, его не предъявишь на конкурсе красоты или на подиуме дома моделей.

«Немудрено, что такой мудила, как я, много лет смотрел, но не видел. А крошечный ночничок взял да и высветил сокровище».

Он тут же застыдил своего сентиментального порыва: «Фризе, не прослезись! Стареешь, мужик, стареешь. Надо же, такое придумать – родовитые предки, великолепный продукт естественного отбора... Состарюсь, начну умиляться каждой дуре!»

– Володька, ты, почему так на меня смотришь? – Наверное, Светлана проснулась, почувствовав его пристальный взгляд.

– Как «так»?

– Как Синяя борода. – Она сделала строгое лицо, но серые глаза сияли. – Мне от твоего взгляда плакать хочется.

– Никаких слез. Допрос продолжается. Ответишь на мои вопросы – и можешь плакать на здоровье.

– Спрашивайте, господин сыщик. – Светка сбросила с себя простыню. – Я вас не слишком шокирую?

Фризе вздохнул. Говорить о делах в такой ситуации было для него мукой мученической.

– Твой Дидье не пишет о том, что происходит с энергией души и мозга после смерти?

– Володька! Месяц назад я опубликовала полосное интервью на эту тему. Специально летала в Швейцарию к одному, как ты говоришь, «кипятильнику ума», физиологу, доктору наук. Жаль, что ты нашу газету не читаешь.

– Жаль, что ты перестала присылать мне свои опусы.

– Я считала, что тебя интересует только уголовщина.

– Дошутишься! – пригрозил Владимир.

– Пришлю! Пришлю! Знаешь, этот мужик добился поразительных успехов именно в той области, которая тебя почему-то заинтересовала. Вот уж не думала... – Светлана ласково дотронулась до его руки. – Володька, ты стал задумываться о смерти? Значит, стареешь.

– Ни о чем я не задумываюсь! – рассердился Фризе. Девушка словно прочитала его невеселые мысли о старости.

– Совсем тупой? – Она придвинулась к нему, прижалась к груди.

– Отодвинься. Я еще не закончил с вопросами. Так, что же происходит...

– С энергией души и мозга после смерти? Познакомишься с моим интервью и все поймешь. – Светлана пристально, как будто обнаружила в лице приятеля, что-то для себя новое, посмотрела на Фризе. – Знаешь, Володя, Дидье ван Ковелер ссылаясь на Новый Завет, пишет о том, что любовь – это единственная энергия, которая преодолевает смерть. «Мощью своей проходит насквозь и поднимается выше». Вот так.

Она отвела взгляд и стала чертить указательным пальцем на груди Фризе какие-то завитушки. Сыщику почудилось, что она выводит бесчисленное число раз одно слово: «Володька, Володька, Володька...»

«А, может быть, “дурачина, ты, дурачина, дурачина и простофиля...”» – одернул он себя. И даже не улыбнулся.

– Если ты не удосужишься прочитать этот материал в «Иностранке», могу поделиться своим мнением дилетанта.

– Валяй!

– Суть в том, что мы должны перестать бояться, перестать стыдиться веры в невозможное.

– Светка! Ты всегда находишь нужные слова! – восхитился Фризе. – И, главное, в нужный момент.

– Это слова автора. Я не такая умная, – заверила Владимира приятельница. – Не знаю, что за «момент» у тебя наступил, но я тащусь от твоего телячьего восторга. У тебя нет в записке шампанского?

Она всегда умела воспользоваться моментом.

– Есть! – Фризе поднялся с кровати. – Сейчас доставлю.

– Володька, ученый, у которого я брала интервью про все эти трансформации энергии, иногда заглядывает в Москву. Ностальгия дает себя знать. Швейцарцем он стал недавно. Года три назад.

– Как его зовут?

– Ростислав Игнатьевич.

– Ростик!

ДЕТКИ ПРОГРЕССА

Утром, – оно началось для Фризе и его гости в двенадцать – Светлана сказала:

– Как хорошо, что ты избавился от теликов. Не мучаешься от переизбытка негатива. А я, как посмотрю перед уходом в редакцию информационную программу, и жить не хочется! Новый день на ТВ начинают с пожаров, убийств, кровавых ДТП.

– Кто тебя заставляет по утрам нажимать на пульт?

– Володька! Ты забыл о моей профессии? Мне надо быть в курсе событий. Хорошо тебе...

– Не завидуй! Скоро мои телики вернутся на свои места.

– Ты их не выбросил?!

– Светик, не будь такой легковой. Как же я мог вывалить их в окно? Вдруг в этот самый момент ты бы шла ко мне в гости?

– А я и глазом не моргнула, когда вчера выбросила в окно пару красного кружевного белья из твоей ванной комнаты. По-моему, нулевого размера.

Фризе покраснел и насупился. Смешно было бы оправдываться. Светка знала о нем все. Или почти все.

– Среди десяти твоих достоинств, способность краснеть занимает не последнее место.

– Ого! Можешь перечислить остальные?

– Только одно: умение угостить подругу вкусным завтраком.

После завтрака, затянувшегося часа на два, Светлана вдруг поскущела. Минуты две она внимательно разглядывала Фризе, словно хотела найти в его лице какие-то новые для себя черточки. Или мысленно сравнивала его сегодняшнего с тем, каким увидела впервые много лет назад.

– Светка, тебя что, заклонило? – с тревогой спросил Владимир. – Смотришь на меня...

– Какой ты милый, Володька, – сказала подруга. – Такой прекрасный прощальный завтрак мне устроил. – Она поднялась со стула, подошла к Фризе и нежно поцеловала его в щеку.

Ночным поездом Светлана уезжала в Питер. Собрать материал для статьи о том, зачем понадобилось Газпрому портить городской пейзаж строительством несуразного небоскреба и тратить на это астрономические суммы. Поэтому Фризе не придавал значения словам о «прощальном завтраке».

– Вернешься, я тебе сногшибательный обед приготовлю! – ворчливо пообещал сыщик и так крепко поцеловал подругу, что она чуть не задохнулась. Он никак не мог забыть ту Светку, которая открылась ему сегодня ночью в неярком сиянии ночничка.

– Нет, душа моя. Это была наша с тобой последняя трапеза, – вырвавшись из объятий, сказала гостья.

– Что еще за новости? – Фризе почувствовал: подруга не шутит. И еще ему не понравились новые словечки в ее лексиконе. Слов «душа моя» и «милый» Светка в разговорах с ним никогда не употребляла. Хорошо знала, как не любит Владимир сюсюканья.

– Ты на меня не обижайся, Володька, но в Питер я еду на собственную свадьбу, а не изучать градостроительные проблемы.

– Чушь!

– Извини. Мне надо торопиться. Подробности узнаешь из газет.

И она ушла так стремительно, что даже не задержалась у зеркала в прихожей, чтобы поправить прическу и макияж, испорченный Владимиром. А у него даже не нашлось силы воли, чтобы встать и проводить ее. Фризе был подавлен.

«Это просто дурацкая шутка, – твердил он себе, мрачно разглядывая развешенное на стенах старинное холодное оружие, доставшееся ему от деда. – Розыгрыш. “Душа моя!”, “Милый!”. Вот насмешила».

Но вместо того чтобы посмеяться, Владимиру хотелось сорвать со стены один из кинжалов, пойти в спальню и с силой воткнуть его в постель, на которой еще несколько часов назад они шептались друг другу нежные слова. «А еще приятнее было бы воткнуть кинжал в жениха. – подумал он. – Если только Светка его не придумала, чтобы меня подзадорить. Только зря старалась. Я ведь сегодня наконец принял решение...»

Владимир заглянул в гостиную и несколько секунд постоял в раздумье перед опустевшей телевизионной тумбочкой. Обычно, он не включал телик раньше восьми вечера. Но сейчас его разбирало любопытство: повторится ли нашествие незваных гостей или нет?

– Чего голову ломать? – сказал он громко. – Сейчас принесу «ящик» из кладовки и включу.

По старой привычке «ящиками» он называл даже современные плоские телики.

Вчерашний гость был тут как тут. Нарисовался на экране даже раньше, чем Фризе воткнул штепсель в розетку.

– Расширил свой кругозор, сыщик? – спросил он деловито. – Тогда продолжим разговор. Время поджимает.

Владимир хотел возразить: «А я никуда не тороплюсь». Но решил не начинать разговор с пикировки. Молча сел в кресло и приготовился слушать.

– Мы остановились на Законе сохранения...

– Новый взгляд на проблему мне пытался изложить один ученый. Серьезный ученый, доктор наук, – сказал Владимир, с легкой грустью прогоняя от себя образы неожиданно возникших перед ним людей. Труднее всего было расстаться с Бертой, стоящей посреди каюты в прозрачной распашонке до колен. Усилием воли Фризе заставил себя вернуться из прошлого в настоящее. Но это «возвращение», наверное, показалось собеседнику слишком медленным.

– Нам это известно, – нетерпеливо отозвался он.

– Откуда? – удивился сыщик.

– От его бывшей супруги.

– От врача-диетолога? Неужели и она к вам перекочевала?

– В известной мере.

– Мистика, какая-то! – вспыхнул Фризе, как будто все остальное, что сейчас с ним происходило, к мистике никакого отношения не имело.

– Да не горячись, ты, Володя! Она теперь не диетолог. Директор кинофильмов. Пару раз даже сама снялась. Потому и попала к нам. Понимаешь?

– Нет! Не понимаю! – сыщик не мог сдержать раздражения. И переживал от этого. Стыдился того, что разговаривает на повышенных тонах. Не терпел, когда считал себя одураченным.

– Не понимаю, – продолжал он горячо, – откуда вам известно о моих личных разговорах! Не понимаю, что означают эти слова: «Попала к нам». Куда, это «к нам»? Ничего не понимаю!

– Да ты уже все понял, милоч, но упрямисься. Уперся, понимаешь... как осел. А у нас времени мало. Можно сказать, в обрест.

Сыщик не мог припомнить, чтобы его когда-нибудь называли ослом, но почему-то не рассердился. Но и от едкого вопроса не удержался:

– А где же тогда у вас райские кущи, полноводные реки? Затерялись в песках?

– Да ладно тебе, остроумец! Не до шуток. В последние годы вы у себя наплодили монстров и теперь прямым ходом поставляете их нам, в эти, как ты изысканно выразился, «райские кущи». Спасу от них нет! Нашествие гуннов. Причем число их растет в геометрической прогрессии.

– Ты бы не тянул резину, братец! – раздался недовольный басок. Раздался словно бы ниоткуда. Соткался из небесной голубизны, как выражались в старину. – Бери быка за рога.

На экране гость по-прежнему красовался в одиночестве. И на поданную ниоткуда реплику не обратил никакого внимания.

– Ну, дела! – прошептал Фризе. – Глас вопиющего в пустыне.

– Не обращай внимания. У нас тут желающих давать советы – как у вас звезд на небе! Наизбирали в профком краснобаев!

– Я тебе дело говорю, – отозвался басок обиженно. – Владимир Петрович – мужчина современный, деловой. Время зря терять не привык. Приступай к сути. Понимающему достаточно полуслова. Забыл только, какой умник это сказал.

Фризе тоже вдруг забыл. Всегда помнил, а сейчас словно память начисто отшибло. «Надо же, надо же! – повторял он беззвучно. – У них еще и профсоюз имеется! Профком избрали! Интересно, а как со взносами? И с каких доходов платят?»

Не в силах больше сдерживаться он разразился гомерическим хохотом. Вытирал ладонью слезы и с опаской поглядывал на обиженное лицо собеседника.

Отсмеявшись, сыщик вспомнил автора афоризма. И еще он узнал красивый голос невидимки с телеэкрана. Ленивый и слегка самодовольный басок. Но обладатель красивого голоса находился в полном здравии! Владимир Петрович видел его в каком-то новом сериале.

Сам Фризе сериалы не терпел, но когда у него «на постое» обреталась Дюймовочка...

– Криминальные сериалы помогают в моей профессиональной работе, – с несвойственной для нее наглостью заявляла Галина Романовна, когда Владимир пытался выключить телевизор. – Некоторые приемы киношных сыщиков можно использовать.

Здравый смысл и логика следователем Межрайонной прокуратуры в расчет не брались.

Как ни старался он отвести приятельницу от иссушающего мозги времяпрепровождения, успеха не добился. И нередко подсаживался к ней на диван, чтобы отвлечь от голубого экрана завлекательными разговорами или еще более завлекательными действиями. Последнее ему почти всегда удавалось. Даже в том случае, если накал экранных страстей бывал на самом пике: подлинные страсти Дюймовочка всегда предпочитала бутафорским.

Так вот, несколькими днями ранее обладатель слегка ленивого и в меру самодовольного баса был жив и здоров. Ну, если быть точными, отчасти жив и отчасти здоров. В телесериале, который с увлечением смотрела Галина Романовна и в то же время пыталась не поддаваться на приставания Фризе, его застрелили нехорошие мужчины. Невеста долго и горько рыдала на изрешеченной пулями и политой клюквенным соком груди героя.

Но замордованным ужасом телезрителям на этот раз преподнесли «утешительный приз». Им показали документальный фильм о фильме, в котором «жестоко убиенные» герои были живы и здоровы, улыбались и даже слегка бражничали.

В документальной киношке положительный герой, такой же в меру самодовольный, как и его басок, увлекательно рассказал любителям сериалов о тех нравственных муках, которые он испытал, работая над образом. А продюсер заявил, что их сериал стал по истине народным.

– Вот видишь, – сказала Дюймовочка. – Народ обожает такие сериалы.

На что Владимир ответил латынью:

– *Maximus error is populus magister.* – А так как приятельница, несмотря на незаконченное юридическое образование, латыни не знала, тут же перевел:

– Народ есть величайший мастер по части ошибок.

– Народ всегда прав, – заупрямилась Дюймовочка. Но развивать свое заявление не стала. Сказала как отрезала.

Фризе, испытывая нравственные и иные муки, обращаясь к продюсеру, сердито пробормотал: «Вот мудозвон!», подхватил притихшую Дюймовочку под мышку, и даже не выключив телек, унес в спальню.

А теперь этот актер, застреленный понарошку в сериале и оживший в документальной короткометражке, находится где-то рядом. Наверное, сидел или даже лежал на горячем песке. Может быть, загорал в одних плавках.

– Вы про закон хотели рассказать, – вежливо напомнил сыщик. – Закон сохранения и превращения энергии. Его Михаил Васильевич Ломоносов и Антуан Лавуазье вывели.

– Антуану якобинцы голову на гильотине оттяпали, – назидательным тоном прокомментировал настырный обладатель приятного баса.

– Еще раз вякнешь – переберешься сюда на постоянное место жительства, – тихо произнес гость. От интонации, с которой была произнесена эта фраза, даже у сыщика по спине пробежали мурашки. Больше их беседу никто не комментировал.

– Теперь мало кто сомневается в том, что мысль – особая форма энергии. Так?

Фризе кивнул. Буквально на днях он с интересом посмотрел на канале Евроньюс большую передачу о том, что английские ученые вывели теорию и доказали ее на практике, что **МЫСЛЬ МАТЕРИАЛЬНА!** Вполне вменяемые вальяжные мужики демонстрировали в своей лаборатории, как другие мужики, не менее вменяемые, давая простор своим мыслям, производили бесконтактно массу всяких манипуляций с приборами и предметами. Вот только сейчас Фризе засомневался: английские это были ученые или американские?

– Мысли тех, кто умерли, их умственная энергия сохраняются во вселенной. Правильно? – Не получив, на этот раз от Фризе подтверждающего сигнала – ни кивка, ни реплики, – гость насупился:

– Порочные мысли – не исключение. К большому сожалению, они обладают колоссальной энергетикой.

– Читал я об этом. – На этот раз, Фризе вспомнил информацию в одной немецкой газетке про египетские пирамиды. Там в глубине, в погребальной камере, сохранились звуки далекого прошлого. Обрывки разговоров врачей и рабов, которые бальзамировали фараона.

«Много я все-таки знаю, – похвалил себя сыщик. – Эрудит».

– Эрудит, эрудит! – подтвердил собеседник, вогнав сыщика в краску.

«Вот уж Божья кара! – преодолевая смущение, подумал Фризе. – Он меня и думать отучит».

– Ты, Владимир Петрович, когда-нибудь задумывался, почему наш первый президент так часто и тяжело болел в лихое время?

– Пил много. Отчего же еще? – легко отозвался Фризе. – И угрызения совести мучили.

– Совесть еще надо иметь, чтобы она замучила, – ворчливо сказал собеседник. – А водка... Водка добру молодцу сердце не повредит. Вот ненависть самый крепкий организм разрушит! Ненависть нашего «гаранта» сгубила. Ненависть. Когда миллионы граждан телезрителей сидят у голубого экрана и от гнева и ненависти раскаляются так, что на них котлеты можно жарить, куда эта энергия девается?

– Если котлет под рукой нет? Отправляется по назначению.

– Смотришь в корень, – одобрил мужик. Он перестал наконец шептать и заговорил вгромкую: – С живыми мы разобрались. А что ты знаешь о фантомах?

– О каких фантомах?

– Мы здесь все – детки прогресса, – загадочно изрек гость. – Фантомы электронных средств массовой информации. Думаешь, герои фильмов остаются только на всех этих пленках, DVD и прочих флешках? Как бы не так! Они начинают жить самостоятельно и не только в Интернете.

Он сложил руки на груди и наконец отвел взгляд от Фризе. И от этого сыщик испытал явное облегчение.

– Ты, наверное, помнишь те времена, когда, включая приемник, можно было услышать: «В эфире радиостанция “Юность”. Или еще какая другая. В эфире, Володя! В эфире. У нас, братец, своя среда обитания. Эфир!

– Понятно... – пробормотал сыщик. Ему вспомнилась не радиостанция «Юность», а студенческая прибаутка: «Ночной эфир струит кефир». После серьезной поддачи бутылка кефира из холодильника была самым желанным напитком.

– Проблема в том, что наши пределы с катастрофической быстротой стали заселять фантомы с большой отрицательной энергией. – Это уже не туповатые братки и живущие одним днем чикагские гангстеры. Изошренные маньяки и коррупционеры с размахом наступают хорощим ребятам на пятки! Мы не за себя боимся! Ты думаешь, фантомы не влияют на вас, на живых?

Сыщик так не думал. Честно говоря, мысль о каких-то влияющих на него фантомах ни разу не приходила ему в голову. И теперь он не знал, что и думать, настолько фантастично выглядело происходящее. И поэтому только пожал плечами.

– Во вселенной все взаимосвязано, – назидательно изрек гость.

«Надо прекращать балаган, – подумал Фризе. – Встать и уйти. Всего дела-то – раз плюнуть!»

Но он не плюнул. Какая-то непонятная сила удерживала Фризе на месте. Словно кресло сильно намагнитили, а его афедрон стал чугунным.

«Ну, вот, приехали! Если я допускаю, что балаган можно закончить, значит, признаю его реальностью. Или у меня белая горячка. Подцепил от нового клиента, которому по ночам снятся киллеры».

– Штирлиц, ты понимаешь, что процесс насыщения вселенной злом грозит стать необратимым? Если фантомы отрицательных героев окажутся в большинстве, произойдет Большой Бенц.

– Я не поставляю вам фантомасов, – буркнул Фризе, слегка обиженный за Штирлица. – Я борюсь с самыми, что ни на есть, реальными монстрами.

– Вот! – гость поднял палец. – Пришло время сказать, ради чего ты нам понадобился.

– «Понадобился!» Я подозревал, маэстро, что с вами не соскучишься.

– Володя, – теперь голос собеседника зазвучал тревожно и очень тихо. – Мы отслеживаем потенциальных поставщиков супер-негодяев в электронные средства массовой информации. Проще говоря, в кино, на телевидение и в Интернете. Знаменитый режиссер Забирухин затевает новый сериал с очень опасными ребятами. Семен Семенович – талантливый мастер. И это вдвойне опасно. Он собирается пригласить на съемки толковых актеров. Владика Гарденского, например. Если плохой талантливый человек будет играть выдающуюся сволочь, можешь себе представить, какая взрывчатая смесь получится? Калигула по сравнению с ним покажется безобидным ворчуном-троллем!

Гость сделал паузу и опять пристально посмотрел Фризе в глаза.

– С твоей помощью, сыщик, мы хотим этот сериал торпедировать.

– А где я возьму торпеды? – спросил Фризе. Ему стоило большого труда сдержать улыбку.

Собеседник истолковал вопрос сыщика по-своему:

– В ближайшие дни ты получишь много денег. Очень много. Можно сказать, выше крыши.

– И на эти деньги мне надо будет нанять плохих парней с торпедами? Не по адресу...

– По адресу, по адресу! Забирухину понадобится спонсор. Очень богатый спонсор. Миллионов на пятьдесят зеленых. Он всегда работает с размахом. А новый сериал для Семена – лебединая песня. Через два года ему стукнет семьдесят пять. Вот он и задумал совместить юбилей с триумфальным показом новой работы.

– Сначала намечались праздники, потом – аресты. Решили совместить, – голосом актера Фарады прокомментировал невидимый Фризе член профкома запредельных кинорботников.

– Уважаемый! Допустим на минутку, что это не глупый розыгрыш, а реальность...

– А ты, сыщик, до сих пор сомневаешься?

– Так вот, я могу назвать десять причин абсурдности вашего предложения, – пропустив мимо ушей вопрос, продолжал Владимир. – Разве один Забирухин снимает сериалы с героями-подонками? Да, судя по тем картинам, которые по телику и в кино показывают, других и нет!

– Мы тоже не теряем время даром. Неужели не заметили, что появились сериалы о любви?

– «Сопли и вопли» в розово-голубых тонах? Обсмеешься. Перехожу к следующему пункту. К миллионам...

– Стоп, стоп, стоп! Твои возражения отпадут сами по себе, если ты внимательно выслушаешь меня...

Когда мужик из «ящика» закончил говорить, Фризе поставил себе пятерку за поведение: он ни разу не улыбнулся, не обозвал его прикольщиком и хохмачом. Он даже ни разу не издал такого звука, который можно было принять за неодобрение: типа «хватит мне горячую лапшу на уши развешивать!».

– Молодец! Уметь слушать – Божий дар, – похвалил гость.

– Вопросик можно? Всего один.

– Некстати, Володя, некстати. Сеанс закончен. У нас, знаешь, тоже не все просто. Приходится энергию экономить, как вам электричество.

– Ответ на этот вопрос для меня очень важен.

– Валяй, спрашивай!

– Почему именно я?

Экран телевизора погас.

– Так-так-так, – в сильной задумчивости произнес Владимир. – Так-так-так, сказал бедняк. Денег нет, а выпить хочется. Ой, как хочется!

Экран снова засветился, но Владимиру показалось, что не так ярко, как светился перед этим.

– Проблемы, Штирлиц, проблемы. – По озабоченному лицу мужчины можно было догадаться, что ему не терпится поскорее избавиться от собеседника. – Тебя выбрали, потому что другие кандидаты оказались еще хуже.

– Опаньки! – От такой откровенности Фризе опешил.

– Ну, есть и некоторые технические тонкости... В твоей квартире имеется Точка Соприкосновения. Упрощенно, говоря, дырка, через которую может происходить даже телепортация. Место соприкосновения...

– Какого черта! – Не дослушав до конца фразу, заорал Владимир. При упоминании о телепортации у него по спине пробежали мурашки.

– Не пузырись! Главное – тебя выбрали. – Собеседник отнес восклицание сыщика на счет низкой оценки его персоны. – А за какие доблести, сам догадаешься. Хочешь, чтобы я тебе дифирамбы пропел? Дифирамбов не будет. Про «дырочные» проблемы прочитай у Бюффона.

Экран погас. В глубокой задумчивости сыщик поднялся с кресла и медленно подошел к бару. Несколько секунд внимательно рассматривал бутылки, словно, здоровался с ними. Налил полстакана виски «Дьюарс». Последнее время он особо привечал этот сорт – легкий, ароматный напиток, будто и не виски вовсе. Фризе не стал добавлять в стакан лед, даже орешков не взял, и вернулся в кресло. Взглянул на черный экран телевизора, мысленно выругал недавнего собеседника неприличными словами. Но тут же устыдился:

– Ну-ну, не журитесь! Это я сгоряча. За упокой вашей души!

Он сделал большой глоток и подумал о том, что пить за упокой души человека, с которым только что беседовал, не совсем правильно. Кошунственно. Но пойдя теперь разберись, что правильно, а что кошунственно?

НОВЫЕ ЛИЦА

– На Смоленской дороге туман, туман, туман... – в тихой задумчивости пропел сыщик. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть раздражавшую угольно-черную поверхность экрана и пытался найти хоть один аргумент, хоть маленький намек для объяснения того необъяснимого, что положило конец его, в меру спокойного периода жизни.

Неожиданно в памяти всплыло имя Конан Дойла. И вовсе без всякой связи с коллегой Шерлоком Холмсом. Владимир вспомнил прочитанное недавно коротенькое послание сэра Артура редактору журнала «Лайт» о незаконченном романе Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда»: у писателя во время спиритического сеанса был «контакт» с самим великим Диккенсом!

Классик сообщил Дойлу о Друде:

«Сожалею, что пришлось уйти прежде, чем я вызволил его из беды. Бедняга был вынужден пережить тяжелое время. Я всегда полагал, что вы направите Холмса по его следу. Не знаю, что лучше – раскрыть вашу тайну или оставить тайну нераскрытой».

«Странно, что я, читая воспоминания Конан Дойла, даже не дал себе труда задуматься над этим фактом. Ведь сэр Артур серьезный романист и историк! Шарлатанов английские короли не возводят в рыцарское достоинство. Вот, например, ныне царствующая королева не удостоила сочинительницу несусветной лабуды про Гарри Поттера звания баронессы! И правильно сделала». – Фризе считал, что романы английской «сказочницы» действуют на детские головы сильнее марихуаны. Погружают в мир грез, из которого непросто выбраться – ведь в нем не на кого опереться, не к кому обратиться с молитвой.

А вот Конан Дойла удостоили чести стать сэром, несмотря на то, что он всему миру поведал, как общался с великими покойниками Оскаром Уайльдом, Джеком Лондоном и Гарди. При свидетелях общался! Да и со своими умершими родственниками он имел постоянную связь! Прежде всего, с горячо любимым братом.

Королевская милость, считал Владимир, как знак качества. Она подтверждала, что и в этой, мистической, ипостаси Конан Дойл воспринимался серьезным исследователем, а не фантазером.

«Может, это в порядке вещей – визиты к уважаемым сыщикам выдающихся деятелей прошлого? Только ко мне в гости из загробного царства повадились заглядывать не самые знаменитые персоны. Вот бы Иосиф Виссарионович пожаловал...»

Фризе поежился и пробормотал:

– Это ж, кому рассказать! Никто не поверит! Да и некому.

Но свято место пусто не бывает. Слушатель нашелся.

– Только попробуй! – раздался знакомый голос с экрана. – Откроешь хайло – за пищик возьму!

В гости к сыщику заявился все тот же мужчина, только теперь в обличье пахана.

– С прибытием! – весело сказал Владимир. К нему возвращалось хорошее настроение. Первый плоток слегка ударил ему в голову и настроил на философский лад.

– Вы из какого профсоюза? – деловито поинтересовался Фризе, глотнул еще виски и поставил стакан на пол.

– Заглохни, трёкало⁶. Встрянешь в это дело, волчара, доплывешь в два счета!

– Ваша феня, уважаемый, давно устарела. Никто нынче так не базарит.

– Поучи ученого... Я тебя предупредил.

⁶ Трёкало (жарг.) – пустой трепач.

– А перевозчик у вас по-прежнему в запое? – спросил сыщик с ехидцей и нагнулся, чтобы поднять с пола стакан. – Его не Хароном, кстати, зовут? А река, наверное, Лета? Или Стикс?

– Ошибаешься, терпило. Наша река «уносит все дела людей», а не самих людей! Надо читать хороших поэтов.

– Какие у вас там все умные! – добродушно сказал Владимир. Он захмелел как раз настолько, чтобы любить всех и каждого.

– Ухо отрежу! – пригрозил бандюган. – Левое.

«Почему левое?» – удивился Фризе, но спрашивать не стал. Незачем мелочиться, когда попал в такую передрагу.

– Не хочешь слушать устаревшую феню, поговорим о черных дырах, – неожиданно вежливым тоном предложил собеседник. Но эта вежливость не смогла бы обмануть и красивую блондинку. А сыщик почувствовал, как у него второй раз за последние полчаса по спине пробежали мурашки.

– Сговорились вы, что ли? Мне только что ваш родственничек черными дырами грозил.

– А я разве угрожаю? Предложил хорошую тему для разговора. Черные дыры – это продвинутая тема. Президент даже собирается одному мудриле свою премию за эти дыры присудить. И трех дней не пройдет, как ты в моей правоте убедишься.

– А вам не надо... – Владимир хотел спросить у гостя, не надо ли ему, как его двойнику, экономить энергию. Но тот бесцеремонно отрезал:

– Не надо! И запомни: никаких двойников и родственников у меня нет! Свободного времени мало. – Он нахмурился, выпятил мясистые, чувственные губы: – О чем же с тобой потолковать? Без черных дыр нам все равно не обойтись, но если сегодня у тебя разговор о них вызывает дискомфорт: любимая девушка, можно сказать, в черную дыру свалила, отложим эту тему до следующего раза. Тогда, может быть...

– Ах ты гад! – Фризе швырнул тяжелый стакан, наполовину заполненный виски, в небритую физиономию. Как ни странно, экран выдержал. Но гость с него исчез, наверное, у вора в законе и правда было мало свободного времени.

Человек, которому однажды взбредет в голову описать частного сыщика Владимира Фризе, непременно столкнется с серьезными затруднениями. Люди, которых он попросит дать ему характеристику, – немногочисленные друзья и многочисленные подруги, бывшие и настоящие клиенты, – могут серьезно разойтись во мнениях.

Одни скажут, что Фризе смелый и вспыльчивый, другие – осторожный и педантичный. Ловеласом и женолюбом назовут мужчины, нежным и преданным любовником – женщины.

Портрет героя всегда окрашен в цвета палитры, которую имеет в своем распоряжении критик. Давать оценку другу или врагу – серьезное испытание для того, кто оценивает. Не зря же сказал какой-то мудрец: «Простим нашим врагам их недостатки, а друзьям – достоинства».

...А телик, как ни в чем не бывало, делился с населением очередным выпуском новостей. Новости не радовали: в Ингушетии убили судью. В Москве на три процента выросло количество толстяков. В Краснодарском крае столкнулись пассажирский автобус с маршрутным такси. Врачи называли количество погибших – как всегда разное, и подробно комментировали состояние раненых.

Отдельным блоком шли экономические новости. Небритый, неряшливо выглядевший человек информировал население о том, что относительно показателей прошлого года инфляция снизилась на три десятые процента.

«Ох, уж эта теория относительности! – вздохнул сыщик. – И угораздило же Эйнштейна ее открыть! И никак не найдется другого мудреца, который бы ее отменил».

По поводу теории относительности у Фризе имелось свое, особое, мнение. Некоторым своим гостям, из особого к ним расположения, он демонстрировал теорию относительности на

практическом примере. Подводя какую-нибудь гостью к большому окну в кабинете, он показывал ей два уличных термометра, прибитых с противоположных сторон рамы:

– Правый термометр, – говорил он, стараясь придать голосу особую проникновенность, – я называю оптимистическим. Зимой он показывает температуру на два градуса выше, чем левый, пессимистический. Ведь всегда приятно узнать, что на улице минус восемь, а не минус десять?

Но вот, приходит лето, на улице – июльское пекло. На правом термометре тридцать один по версии старика Цельсия, а на левом – всего двадцать девять. Какой же из них теперь оптимистический? Правильно. Левый! Убедительное подтверждение великой теории?

И, беря гостью за талию, он добавлял:

– Все относительно, подруга, все относительно.

– Все под контролем... – неожиданно для себя пробормотал сыщик, как будто именно он нес ответственность за весь бедлам, который показывали с экрана. Ему пришлось встать с кресла, чтобы выключить телевизор: пульта, всегда лежащего под рукой, не было. Оказалось, что все это время Владимир преспокойно сидел на нем.

В гостиной стоял ароматный, но слегка резковатый запах виски. Будущее выглядело неопределенным.

«Может быть, пригласить батюшку? – подумал Фризе вяло. – Он отслужит в квартире молебен, окропит телевизоры святой водой, чтобы отбить охоту у этих «фантомасов» тревожить мой покой. А потом посудачит на мой счет с матушкой. Или, не дай бог, расскажет о моих видениях в каком-нибудь популярном шоу. Батюшки нынче вполне освоили электронные средства общения с паствой».

...Если быть предельно кратким, требование гостя из «ящика», сводилось к следующему: Владимир должен был познакомиться с известным кинорежиссером Семеном Забирухиным, обаять его, пообещать субсидировать съемки на все лады разрекламированного блокбастера, а потом, когда режиссер почувствует себя Джеймсом Камероном, поставить ему условие – или он заменяет Гарденского, или обещанные на съемки миллионы евро – тью-тью!

«Ну, вот! Тут-то вы и прокололись! – возликовал Фризе. – Не продумали как следует свою тарбарщину. Откуда вы откопали эти миллионы? Уж лучше бы пообещали вооружить меня калашом! Гарденского небось можно запугать игрушечным».

Не зря говорят: черт проявляется в мелочах. Хотя какие уж тут мелочи – миллионы евро!

Правда, в глубине сознания у Владимира все же теплилась надежда на то, что разговор о будущих миллионах, не пустой звук. Ведь говорила ему одна красивая сотрудница Исторического архива еще несколько лет назад о наследстве, оставленном ему дальними родственниками в немецком городе Киле. Очень убедительно говорила! Но в интимной обстановке. Можно сказать, что в пылу страсти. Правда, по прошествии многих лет Фризе почти забыл и красивую даму-архивариуса, и призрачное наследство. А теперь вспомнил. Подумал: «страсть – понятие метафизическое, а вот наследство вполне может обернуться конкретными казначейскими билетами. Евро, кстати. Они хоть и падают, но совсем-то, наверное, не провалятся?»

Так что, сыщик, хоть и радовался проколу тех, кто уже несколько дней морочил ему голову, вспомнив о наследстве, никак не мог о нем забыть. Да и сильно озадачила эта катавасия Владимира Петровича...

НАСЛЕДНИК ВСЕХ СВОИХ РОДНЫХ

Фризе с детства знал притчу из Евангелия от Матфея о том, что деньги льнут – так выразилась его бабушка – к деньгам. Когда Владимир вышел из «ясельного» возраста, отец иногда читал ему перед сном отрывки из Библии. Прочитал и притчу «О талантах»: «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет»⁷.

Владимир Петрович вспомнил эту притчу, когда у него зазвонил телефон и глуховатый женский голос спросил:

– Это Владимир Петрович Фризе?

– Да. Это я.

– Вас беспокоит Марина Афанасьевна Лескова.

Голос показался сыщику знакомым, а имя и фамилия позвонившей ни о чем ему не напомнили.

– Департамент по розыску родственников за границей. Не вспомнили? Вы оставляли у нас запрос на поиск своих предков в Германии. В Киле.

– Вспомнил! И вас, Марина Афанасьевна, вспомнил. Так ведь это было в прошлом веке!

– Да, господин Фризе. Даже в прошлом тысячелетии. Но мы про вас не забыли. Вы же задаток внесли. Машину поиска мы запустили, а механизм ржавый, работает медленно. Кильские архивы в годы войны к американцам попали. Только в прошлом году вернулись на родину. И, представьте, все ваши данные подтверждены документально! – В голосе Лесковой зазвучали литавры. – Немецкая сторона готова выполнить любые ваши требования. Приглашают приехать, чтобы вступить в права наследства. А наследство... Ой, разболталась я! Сведения до поры до времени конфиденциальные. Приезжайте срочно. Адрес помните?

– Попробую вспомнить. Вы в каком кабинете заседаете?

– В директорском, – с гордостью доложила Марина Афанасьевна. – Руковожу Департаментом.

Департамент находился на Пушечной улице, недалеко от ресторана «Савой». Томясь в пробке на Охотном Ряду, Фризе с трудом выгребал из памяти события почти десятилетней давности.

Его в то время интересовал руководитель Департамента по розыску родственников за границей. В советские времена это учреждение называлось Инюрколлегией. Собственно говоря, и заявление с просьбой отыскать предков в далеком Киле Фризе написал только для того, чтобы поближе познакомиться с Департаментом и подобраться к его руководителю – Михаилу Яковлевичу Смагину.

Как нельзя кстати, он вспомнил о своем прадеде генерал-майоре Владимире Эдуардовиче и его братьях: Федоре, Евгении, Константине и Александре. Все они носили фамилию Фризе, были давно «укоренившимися» в России немцами и владели почти целой улицей на Васильевском острове Питера. Им принадлежали дома с 64-го по 72-й по Одиннадцатой линии.

Перед Первой мировой войной прадед уехал в Киль, купил там большую верфь и умер в 1938 году. Дед Владимира получил из Германии уведомление о том, что ему следует приехать в Киль и вступить в права наследства, разделив его с детьми отставного генерала от второго брака, Бригиттой и Карлом. Но «вступать в права наследства» в 1938 году было очень опасно как в Германии, так и в СССР.

Впрочем, Фризе наследство не интересовало. До поры до времени.

Визит сыщика в Департамент и последовавшее за этим знакомство с его директором, крупным мафиози, грабившем богатых наследников и «отстегивающем» львиную долю награб-

⁷ Евангелие от Матфея.

ленного на президентскую избирательную кампанию, закончился трагически. Для директора Смагина. В здании Департамента случился пожар, а труп Смагина нашли в его кабинете. С пулей в голове.

После первого сообщения о происшествии ни в печать, ни на телевидение не просочилось ни строчки о печальном событии. Даже Интернет безмолвствовал.

Постарался поскорее забыть обо всем этом и сыщик. Он очень не любил вспоминать свои расследования, которые заканчивались чьей-то смертью. Даже если сам и не был ее непосредственным виновником. Владимир остро переживал гибель и хорошего человека, и преступника, на котором пробы негде было ставить.

Завершив то давнее дело, Фризе выбросил из головы и свою заявку на розыск потенциального наследодателя из «Германии туманной».

«Интересно, пахнет ли еще гарью в руководящем кабинете? – подумал Владимир, с неприязнью оглядывая стоящий в опасной близости от его бээмвушки черный джип. – Или за десять лет все выветрилось?»

Пожилой охранник на входе в вестибюль Департамента внимательно, от корки до корки, изучил паспорт Владимира.

– Фризе, Фризе... – произнес он задумчиво. Слово прикидывал фамилию сыщика на вес. – Вы к товарищу Лесковой. Второй этаж, комната восемнадцать. – И только после этого вернул паспорт.

В просторной приемной, за небольшим, похожим на ломберный, столом, сидела пожилая женщина. Владимир уже привык к тому, что ни одна секретарша в серьезном заведении не обходится без компьютера. Если не работает на нем, то играет в войнушку или раскладывает пасьянсы. На столе у этой секретарши стоял только телефон и лежал пухлый ежедневник.

«В старости глаза целее будут», – порадовался за женщину Фризе. Но порадовался преждевременно: справа, в стороне от огромных окон, красовался специальный стол с двумя компьютерами.

В те далекие времена, когда сыщика интересовали криминальные делишки сотрудников департамента, покой его главы стерег охранник в приемной. Теперь он отсутствовал.

– Вы Владимир Петрович Фризе? – спросила секретарша.

– Да. Мы условились... – он не успел договорить, как женщина сказала:

– Марина Афанасьевна вас ждет. – И, поднявшись с кресла, распахнула перед ним дверь в кабинет:

– Марина Афанасьевна, пришел Владимир Петрович!

Фризе поежился от той предупредительности, с которой встретила его секретарша. От заинтересованного взгляда ее серых внимательных глаз.

«Неужели каждый в этой конторе знает, что некто Фризе Владимир Петрович пожаловал к ним за большим наследством? – с раздражением подумал он. – Даже охранник к моей фамилии примерялся. Неровен час, и криминалитету доложили?»

Но времени на то, чтобы всерьез рассердиться, у него не было. Навстречу Владимиру шла Лескова.

– Владимир Петрович! Вы все такой же молодой и стройный!

– Вот уж кого время не тронуло, так это вас, Марина Афанасьевна! – не остался в долгу сыщик. И был почти искренен.

Фризе сидел за приставным столиком напротив Лесковой, листал папки с пожелтевшими документами, пухлые и не очень пухлые, и, время от времени взглядывал на новую начальницу Департамента. В день первой встречи она выглядела лет на сорок, сорок пять. И спустя десятилетие сыщик не дал бы ей больше. Те же пышные седые, с легкой синевой волосы, интеллигентное лицо...

«А еще говорят, что женщины увядают быстрее мужчин, – подумал он. – Законсервировалась тетка!»

Но еще через некоторое время он разгадал «секрет» этой «тетки». Десять лет назад она была рядовой чиновницей большого бюрократического аппарата. Приятной, интеллигентной, но придавленной ежедневной служебной рутинной. Да и домашних забот, наверное, у нее хватало.

Теперь перед ним сидела руководительница серьезного Департамента. Положение обязывает! Одежда на Лесковой не стала более яркой и сверхмодной. Она по-прежнему была одета со вкусом, но когда средства позволяют удовлетворять этот вкус по самым высоким критериям, эффект получается поразительным. Плюс комфортное душевное состояние, плюс, позволил себе предположить знаток женской психологии, фитнес по полной программе. А, может быть, еще и молодой любовник? Теперь это модно.

Фризе читал и читал документы, удивляясь тому, какие сюрпризы может преподносить жизнь. Изредка просил Марину Афанасьевну разъяснить непонятные формулировки. Начальница делала это с удовольствием и постоянно приговаривала:

– Вот видите, Владимир Петрович, вот видите!

Владимир Петрович видел. И не только видел, но и чувствовал. От перечисления объектов недвижимого имущества у него дух захватывало и холодело где-то в районе селезенки.

– Выходит, что я имею шанс пополнить ряды российских миллиардеров? – спросил он у собеседницы. – Влиться в ряды Дерипасок и Абрамовичей?

– Ну, до Абрамовича еще надо тянуться и тянуться, – улынулась Лескова. А Фризе мысленно ее поправил: «Надо тянуть и тянуть».

– Но могу вас порадовать, – продолжала Марина Афанасьевна. – Ваше наследство, самое большое, которое мы отыскали за все время существования Департамента.

– Аминь! И что же в сухом остатке? Если избавиться от всех этих «заводов, газет, пароходов»?

– Поезжайте в Киль, – все тянула и тянула с ответом на так интересующий сыщика вопрос Марина Афанасьевна. – Вы – единственный наследник. Дети вашего прадеда от второго брака умерли после войны бездетными. Кажется, Бригитта и Карл?

– Да.

– Вот и поезжайте. Договаривайтесь с немцами. И не тяните с оформлением. Мы подготовим для вас полный комплект документов, заверенных нотариатом уже завтра. Покупайте билет на самолет – и в путь!

– Поеду поездом.

Лескова посмотрела на Владимира с удивлением.

– Да! Не выношу самолеты.

– Поторопитесь. По-моему, немцы не хотят выпускать имущество из своих рук.

Это «по-моему», навело сыщика на мысль, что руководительница Департамента знает гораздо больше, чем ему выкладывает.

– А после смерти Смагина в Департаменте большие изменения произошли?

Вопрос не застал Марину Афанасьевну врасплох.

– Ой, не говорите! Такую перетряску нам учинили! Три начальника успели Департаментом порулить. Все были пришлые. Потом и про старые кадры вспомнили. Я уже пять лет в начальницах. Вы спросили про сухой остаток? – сменила Лескова тему. – Не терпится узнать, сколько составляет валютная часть наследства?

– Да, Марина Афанасьевна. Любопытство разбирает, – улыбнулся сыщик. – В бумагах все про недвижимость, про дома да верфи. По-моему, даже публичный дом упоминается. Я не ошибся?

– Не ошиблись. Киль ведь город портовый, – взяла она под защиту не то сам Киль, не то усопших родственников Владимира.

А сам он и не думал осуждать их за такую недвижимость.

«Вот удивится Дюймовочка, когда я сообщу ей: “Знаешь, малышка, а у меня в германском городе Киле, фешенебельный публичный дом!” Он не сомневался, что заведение фешенебельное. Иного у его пращуров и быть не могло.

– Наверное, кто-то из ваших бухгалтеров сводил дебит с кредитом? – вернулся сыщик к «сухому остатку». – Подсчитывал, какую сумму с меня удержит государство? Чем обязан я Департаменту?

– Владимир Петрович, о вашем наследстве в Департаменте знают только двое – главбух и я. Большие деньги – большие секреты.

– Вот это правильная постановка вопроса, – одобрил Фризе, но тут же мысленно помножил количество посвященных на десять. В некоторых ситуациях он исповедовал здоровый скептицизм. Жизнь научила. – Но вернемся к валютной части наследства. Итак?

Лескова поднялась и подошла к огромному, похожему на холодильник сейфу. Допотопному сейфу, похожему на допотопный холодильник. Сыщик уже давно не видел таких монстров. Миллионеры и крупные чиновники все чаще прятали свои секреты и накопления в сейфах, встроенных в стены и замаскированных картинами «прогрессивных» художников.

Марина Афанасьевна побренчала ключами и достала из своего надежного хранилища несколько листков бумаги, скрепленных скоросшивателем. Тщательно заперла сейф и вернулась к столу:

– Вот вам, майн либер хер Фризе, аллес папирен!

Наверное, начальница изучала в школе немецкий. Или поднаторела в нем, пока занималась наследством Владимира Петровича.

Это были два аутентичных документа. Один на немецком, другой на русском языке. Сыщик, не в силах побороть любопытство, пропустил короткую преамбулу и сначала заглянул на последнюю страницу немецкого экземпляра.

За вычетом налогов и расходов на оформление ему причиталось девятьсот тридцать миллионов семьсот двадцать две тысячи шестьсот пятьдесят евро.

Как ни старался Владимир демонстрировать свою бесстрастность, но бурные эмоции вырвались из-под контроля. Куда только подевались самообладание и выдержка, которыми сыщик всегда гордился! А ведь подготовлен был к сюрпризам начальницей Департамента. И со списком переходивших в его владение «заводов, газет, пароходов» познакомился.

Но одно дело заводы и пароходы, другое – цифры. Цифры русскому человеку более понятны. Воспринимаются моментально и в полном объеме. Цифра, она несет в себе магический заряд, она конкретна. В цифрах можно выразить и кило сосисок и сумму годового дохода министра природных ресурсов. И даже сами природные ресурсы.

– Ничего себе! – восторженно произнес Фризе, поддавшись гипнозу обозначенных в документе сумм. – Этот «сухой остаток» ни в один в кейс не уложишь!

– И все же я рекомендую вам спрятать документы в свой кейс, да понадежнее его запереть на все кодовые замки. Ваш кейс – прямо загляденье! Никогда таких не видела.

– Подарок хорошего человека. Его нельзя просветить даже инфракрасными лучами, – похвастался сыщик. – Это его первый «выход» в свет. Повод вполне подходящий.

– Не забывайте и про барсеточников, – предупредила Марина Афанасьевна. – И не оставляйте документы дома. Я рекомендую взять ячейку для хранения в Сбербанке.

– Да у меня дома прекрасный сейф! – с гордостью сообщил Владимир. И прикусил язык, вспомнив, как распрекрасно справились однажды с его сейфом неизвестные грабители. Но посвящать собеседницу в свои заморочки не стал.

– Отлично! Отлично! – порадовалась вместе с сыщиком Марина Афанасьевна. – Кофе? Чай? – спросила она Владимира. И шепнула заговорщицки: – Я вчера напекла пирожков с яблоками. Без всякого хвастовства – пирожки объединение.

– Чай. – Владимир по опыту знал, что в конторах и офисах угощают хотя и хорошим кофе, но растворимым. А растворимый кофе он не любил. Ему стоило больших усилий не показать своего огорчения, когда секретарша принесла ему заказанный чай, а хозяйке заведения чашечку ароматного эспрессо.

Пирожки Марина Афанасьевна достала из тумбочки письменного стола. Они и правда оказались выше всяких похвал.

Пока Фризе, наслаждаясь ароматом прекрасного кофе, пил чай и уминал один за другим пирожки, Лескова давала ему советы, как вести себя с властями Киля и представителями юридической фирмы, которую наследодатель уполномочил совершить все формальности по передаче наследства. Советы были дельными, и Владимир, покидая кабинет начальницы, поцеловал ей ручку:

– Что бы я без вас делал, Марина Афанасьевна! В делах финансовых я полный профан.

Секретарша унесла из кабинета поднос с чашками и сахарницей. Плотно закрыла за собой обе двери. А ее начальница сделала два телефонных звонка. Первый – по аппарату второй правительственной связи, оставшейся в наследство от советской власти. Перед этим звонком она целую минуту собиралась с духом. Наверное, даже, мысленно отрепетировала свое сообщение. Потом набрала четыре цифры. Ей пришлось довольно долго ждать, пока абонент поднимет трубку.

– Здравствуйте, Владислав Викторович. Вас беспокоит Лескова. – И, не дожидаясь ответного приветствия, Марина Афанасьевна доложила:

– Фризе получил все документы и выезжает оформлять наследство.

– Летит самолетом?

– Я рекомендовала самолетом. Но молодой человек хочет поездом. Говорит – боится самолетов.

– Спасибо. Сообщайте, если будут новости.

– Обязательно, – сказала Марина Афанасьевна. Но собеседник уже положил трубку.

Она вздохнула с облегчением, словно проделала тяжелую работу и набрала номер по мобильнику.

– Ну? – буркнул мужчина.

– Это магазин? – спросила Лескова. – Мы кильки отправили. В домашний холодильник.

И отключилась, не дождавшись ответа.

ПУРГА

За долгие годы своей следственной практики Фризе приучил себя контролировать не только свои действия, но и гасить эмоции. Но совладать с возбуждением, которое не покидало его, как только он покинул здание «Инюрколлегии», ему никак не удавалось.

«Ну, надо же, надо же! Фризе – миллиардер! Кому рассказать – не поверят», – время от времени шептал он себе под нос и крутил головой. Но рассказать было некому.

Приподнятое настроение подпортило только воспоминание об открытом грабителями сейфе, которое неожиданно посетило его во время беседы с Лесковой.

«И чего ради я разоткровенничался с едва знакомой теткой? – пожурил он себя за внезапный приступ болтливости. – На ее предшественнике я уже когда-то обжегся!»

Но допущенный промах обернулся во благо. Слегка поумерив эйфорию, он вернул себя на землю. А для сыщика Фризе это означало не упускать из поля зрения, ничего из того, что происходит вокруг. Ничего интересного вокруг не происходило. Москвичи и гости столицы шли плотными рядами по панели и по проезжей части узкой улицы и не обращали никакого внимания ни на чистенькую белую бээмвэшку, ни на самого Фризе, провожавшего пешеходов пристальным взглядом.

Но, когда он медленно выехал с места парковки, за ним также медленно тронулся «форд фокус», стоявший поодаль. «Форд» был серо-бурого, без примеси малинового цвета и очень грязный. А ведь все эти дни в Москве стояла сухая жаркая погода.

«Ну, тронулась эта машина вслед за мной? Проехала несколько минут следом, – подумал Владимир. – И что из этого следует? Вот если бы улица была пустынной и ни сзади, ни впереди ни один автомобиль не маячил, стоило забеспокоиться. А вдруг ее расчистили для правительственного проезда? Гаишники в таких случаях звереют. Накинутся – мало не покажется! Да и движение на улице одностороннее! Куда было «форду» деваться?»

Но так уж устроен человек, особенно если этот человек сыщик: проснется в нем микроб подозрительности, и пошло-поехало!

И когда минут через двадцать, уже на Садовом кольце, Фризе заметил в зеркале заднего обзора тот же серо-бурый «форд», то прошептал озабоченно: «Ну, вот, зашевелились ребята!»

БОГАТЫЕ ЛЮДИ – ОСОБЫЕ ЛЮДИ

Пока сыщик петлял по городу, стоял в нескончаемых пробках, пытаясь скорее по привычке, чем по необходимости, оторваться от хвоста, ему пришла в голову интересная мысль. Даже безголосая певичка, едва выпустив, с помощью «дяди» первый клип, обзаводится охраной. А уж каждый уважающий себя миллиардер имеет целое войско телохранителей. Он, правда, еще не стал Скруджем или Уорреном Баффетом, но ко всему следует готовиться заранее. Короче: следует обзавестись охраной. Правда, через пятнадцать минут он уже и думать забыл о личной охране.

Фризе хорошо знал, кто поставляет бизнесменам и шоуменам кадры. Его детективными услугами воспользовался не один олигарх. Владимир относился к одним из них с иронией, к другим с презрением, к третьим – с жалостью. Но никогда своих чувств не показывал. Даже своему ближайшему другу Евгению Рамодину никогда плохого слова не говорил о своих клиентах. А ведь полковник не раз помогал ему распутывать заморочки, частенько портившие настроение «новых русских» и «старых евреев». Рамодин был человеком импульсивным, в любой момент мог взорваться и наговорить лишнего. Но профессионализма у него было в достатке. Разобраться с этим замызганным «фордом» для него было делом плевым. Уже на следующий день никаких «хвостов» Фризе не заметил.

«Молва растет, распространяясь» говорили в старину умные люди. Фризе олигархи полностью доверяли и, когда в их среде у кого-то возникали проблемы, называли его имя.

Теперь совет требовался самому сыщику.

«К кому же мне обратиться?» – думал Владимир, перебирая в уме имена своих бывших клиентов. Их накопилось немало за те годы, когда он, покинув прокуратуру, стал частным сыщиком. Но ни один не вызывал у него полного доверия. И только вспомнив банкира Виктора Антонова, Фризе с удовлетворением прошептал:

– Стоп! Вот на этом можно пока и остановиться!

«Антонов подходит по всем статьям!» – подумал он. – Мужик порядочный, умница. Богач первой статьи, охраны у него чуть меньше, чем у президента!

Сыщик припарковался рядом с входом в заказник «Воробьевы Горы». В этот час здесь было тихо, пустынно. Лишь редкие пешеходы спешили вприпрыжку по крутому спуску к станции метро. А те, что шли им навстречу, преодолев подъем, запыхавшиеся, резко сбавляли шаг. Люди постарше даже присаживались передохнуть на скамеечки.

На одной из скамеек расположился и Фризе. Ему требовалось время для того, чтобы принять окончательное решение: довериться Антонову или нет? Он давно не видел банкира, а телефонные «поболтушки» мало, что могут сказать о человеке. Что сделало с ним время, изменило или нет? И в какую сторону? Деньги, особенно большие деньги, способны преобразить человека в считанные дни. А ведь Антонову, скорее всего, придется выкладывать подробности. Чего ради сыщик вдруг заинтересовался организацией надежной охраны? Намеками не обойдешься: банкир из тех людей, что сразу чувствуют фальшь.

А еще Владимир хотел убедиться в том, продолжают ли пасти его неизвестные «опекуны?» Ему казалось, что на Ленинском проспекте он оторвался от замызганного темно-серого «форда», успев проскочить под желтый свет на пересечении с улицей Стасовой. Но как знать? Противника никогда нельзя недооценивать. Но пока он сидел под густыми кронами лип, ни одна машина не остановилась поблизости. И знакомый «форд» не мелькнул в потоке автомобилей, мчавшихся по проспекту.

«Да и незачем за мной гоняться по всей Москве, – подумал сыщик. – Мой домашний адрес им наверняка известен. Там, наверное, и дожидаются. Только зачем? Потребовать: “Дай миллион! Дай миллион!” Так нет у меня пока желтого чемоданчика с тугриками».

На скамейке рядом с Фризе расположились бабушка с внучкой лет пяти. О том, что эта красивая молодая женщина бабушка, Владимир понял только из того, что темноволосая, вся в забавных кудряшках, девочка через каждые две минуты так ее называла.

– Бабушка, мы долго будем здесь расслаживаться? Бабушка, почему мама нам не звонит по мобильному? Бабушка... – и так без малейшей передышки.

– Ты бы лучше спела мне какую-нибудь песенку, – нашла способ, как унять свою «почемучку» бабушка. – Вы с няней, наверное, поете песенки?

– «Мэри, это твои первые потери...», – начала тоненьким голоском внучка, прекрасно выдерживая мотив. И, тут же прервав пение, спросила:

– Бабушка, скажи, что это за первые потери?

– А няня тебе не рассказала? – настороженно поинтересовалась молодая бабушка.

– Да она только хихикает.

«Наверное, бабушка живет отдельно от своей внучки, – подумал Фризе. – Со своим молодым дедушкой. И не частая гостья в доме дочери. Или сына?

– Давай лучше я тебе спою, – вместо ответа на вопрос предложила бабушка.

– «Ты весь день сегодня ходишь хмурый...» – начала она приятным контральто.

«Музыкальная семейка», – усмехнулся сыщик.

– Знаю, знаю! – обрадовалась внучка. – Мама поет эту песенку папе: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка?»

– Фу, какая гадость! – непедагогично возмутилась бабушка.

– А ты что пела, когда была маленькой?

– Вот, когда мы устраивали студенческие вечеринки... – мечтательно сказала бабушка. –

Пели такие веселые песни!

И тут она отчебучила такое, что Фризе расхохотался вгромкую и заплодировал.

На далеком севере
Эскимосы бегали,
За моржой.
Эскимос поймал моржу
И вонзил в нее ножу... —

пропела бабушка дурным голосом и поблагодарила Владимира за аплодисменты легким кивком.

А внучка восприняла текст совершенно серьезно. И критически:

– Ну, неправильно это, бабушка! Эсэмэски не бегают! Они приходят на мобильник. Пик! И она уже пришла. И они не могут поймать маржу. Папа рассказывает, что большую маржу ловят большие начальники! Понимаешь?

– Понимаю, – согласилась молодая бабушка и подмигнула Фризе.

«Похоже, что она готова погулять на стороне. Вдали от дедушки, – решил сыщик. – Но не приглашать же ее в гости вместе с внучкой, чтобы распевать песни разных поколений?»

Он поднялся со скамейки и, улыбаясь, раскланялся с дамами. Девочка показала ему язык, а бабушка подняла у нее за спиной ладонь с растопыренными пятью пальцами, а потом показала на скамейку. Владимир в ответ соорудил огорченную гримасу: дела, бабушка, дела.

Машина мягко мчалась по проспекту Косыгина в сторону Киевского вокзала. Справа, сквозь темную зелень могучих лип, виднелась Москва, золотые купола Новодевичьего монастыря. Высотки, словно мифические пастухи, держали каменное стадо при себе, не давали ему разбежаться по сторонам.

Владимир вспомнил любознательную девчонку, показавшую ему язык. «А ведь в ее словах – сермяжная правда: эсэмэски не бегают и не могут поймать маржу. Большую маржу ловят

большие дяди. Они небось уже разработали детальный план получения маржи с Владимира Фризе. И утвердили план на каком-нибудь своем тайном совете? Такие деньги, что я должен получить, не могут пройти мимо носа начальства. Не сомневаюсь, госпожа Лескова уже давно проинформировала, кого следует. Она – человек подневольный, состоит на государственной службе. Вот бы еще узнать, не состоит ли она на довольствии у воров в законе. Если они пронюхали о моей грядущей “свадьбе”, тоже потребуют свой кусочек торта».

Фризе поежился. От недавней эйфории не осталось и следа.

«...КНИГИ БЕСПОКОЙСТВА И СМЯТЕНИЯ...»

Банкир Виктор Сергеевич Антонов откликнулся, едва Фризе набрал номер его телефона. Сыщик и не надеялся, что номер мобильного у него остался прежним. Прошло уже несколько лет с тех пор, как они разговаривали последний раз. Это был хороший знак: Владимир любил постоянство.

– Владимир Петрович! Рад слышать знакомый баритон.

«И голос мой не забыл, – с удовлетворением отметил Фризе. – Я не ошибся со своим выбором».

– Хотел бы попросить вашего совета...

– В каком банке хранить денежки? – не дождавшись конца фразы, хохотнул Антонов. – Покупайте золото! – Погасив приступ веселья, извинился: – Простите, ради бога. Я только что с совета директоров, мы там три часа толкли воду в ступе на актуальную тему: как сохранить деньги и, главное, где их взять! Знаете, банкиры уверены, что всех людей интересуют только деньги. Итак, вам нужен совет...

– Да. Не о деньгах, но на сопутствующую тему.

– Эко! На «сопутствующую тему»! Интригующе. У денег столько сопутствующих тем! Владимир Петрович! А вы обедали?

– Нет.

– Приезжайте. Займемся этим серьезным делом вместе. У меня есть предчувствие, что обед вот-вот будет готов: даже до моего кабинета такие запахи доносятся!

– Адрес тот же?

– Нет. Я теперь обитаю на Тверской. – Антонов назвал адрес. Владимир прикинул: «Если найду место на платной стоянке у Центрального телеграфа, то через пять минут буду у банкира».

Место для своего автомобиля он нашел без труда, но к Антонову попал только через полчаса. Как только он вышел из машины, рядом остановился «форд» дорожно-постовой службы. Из него стремительно выскочили два милицейских офицера и бросились к Фризе. Он решил: сейчас заломят руки за спину и положат на капот. Но, что-то остановило ментов: может быть, нежелание привлечь внимание иностранцев, выходявших из сверкающего лаком автобуса, стоявшего поблизости, может быть, респектабельный вид Владимира, его спокойствие?

Один мент, крупный майор, по которому давно скучала госпожа Диета, мельком заглянул в салон автомобиля и встал за спиной сыщика. Другой – тоже майор – протянул ладонь:

– Ключики. И водительское удостоверение.

– Я совершил нарушение? – спокойно поинтересовался Владимир, передавая майору ключи от машины и протягивая руку к внутреннему карману пиджака, чтобы достать документ.

– Руки! – гаркнул майор, забыв о логике и иностранцах, с нескрываемым интересом наблюдающих за уличным происшествием. В скучноватой программе их знакомства с московскими достопримечательностями появилась криминальная перчинка.

– Руки – за спину! – повторил он почти нормальным тоном.

– Сами в карман полезете? – миролюбиво поинтересовался Фризе.

После секундного замешательства, милиционер провел ладонью по пиджаку Владимира и буркнул:

– Доставай!

– Доставайте, – поправил сыщик уже давно усвоивший, что привычка «тыкать» неистребима у этой части служивого населения. Но не удержался, поправил. Впрочем, майор не обратил никакого внимания на его реплику.

Внимательно изучив права, он потребовал:

– Давай паспорт!

– Вы так и не ответили на мой вопрос: какое нарушение я совершил?

– Ответим, ответим, – веселым тенорком отозвался другой, громоздкий, майор, носивший на себе килограммов тридцать лишнего веса. И все – в районе живота.

Фризе вынул из кармана паспорт и передал блюстителю порядка. Тот внимательно, страница за страницей, исследовал документ.

Обычно сыщик не носил с собой «орластую» книжицу, но сегодня был особый день: посещение присутственного места. Да еще по такому делу, решение которого без паспорта было бы просто невозможно. Есть паспорт – есть наследство, нет паспорта – свободен, гуляй на все четыре стороны.

Майор медленно листал почти новенькие страницы, пристально разглядывал даже те, на которых не было ни одной записи. Фризе показалось, что он рассчитывает обнаружить тайные знаки в замысловатых виньетках, где вписано всего-навсего одно слово: Россия. Правда, эти виньетки, как давно заметил Владимир, очень смахивали на десятикопеечные монетки.

Милиционер действовал так медленно и старательно, что Фризе с трудом подавил желание посоветовать ему попробовать паспорт еще и на вкус. От совета с непредсказуемыми последствиями, его отвлек тронувшийся в путь автобус с иностранцами. Интуристы прилипли к окнам и всячески выражали Фризе свое сочувствие: махали ладошками, показывали знак победы, посылали воздушные поцелуи. А многие фотографировали.

– Ездит тут всякая сволота! – буркнул майор. От него тоже не укрылась реакция иностранцев. – Да еще своими «мыльницами» щелкают. Потом сунут фотки в Интернете. Или еще, куда... – Куда, он не уточнил. Его молодое, не без приятности лицо сделалось замкнутым, а в голубых глазах метались бешенные сполохи.

Фризе вдруг стало страшно. Он никогда не боялся ни ментов, ни бандитов, а сейчас почувствовал, как по спине побежали непрошеные мурашки. Ему вспомнились слова университетского профессора, читавшего студентам курс психологии, о том, что в правоохранительные органы часто идут лишь за тем, чтобы «на законных» основаниях применять свои садистские наклонности.

– Странная у вас фамилия, – буркнул майор и отдал Владимиру права и паспорт. – От фрезы, что ли?

– От фрезы. Вы забыли про ключики.

Инспектор отдал Фризе ключи от машины, которые почему-то, оказались у него в кармане:

– Можете ехать.

– Я уже приехал. А вы так и не сказали мне, что случилось?

– Получили ориентировку, что бээмуха с таким номером в угоне, – сообразовал на этот раз ответить мент и сел в свой «форд». За ним последовал и другой майор.

Открывать капот, сличать номера, проверять, нет ли чего криминального в багажнике, инспекторы не стали. «Что за странная ориентировка? – подумал Фризе, приходя в себя после секундного шока, который только что испытал. – И кто ее послал?»

Он почувствовал огромное облегчение оттого, что менты не добрались до кейса с полученными в Инюрколлегии документами. Эти два майора вполне могли быть обыкновенными «ряжеными»⁸ и вся их «ориентировка» в том и заключалась, чтобы изъять наследственное дело. Ради чего? Ведь он, Фризе, только он и никто другой мог стать обладателем наследства.

«Да все проще пареной репы! – ответил Фризе на собственный вопрос. – Чтобы тот, кто послал “ориентировку” потом диктовал мне свои условия». Он усмехнулся и покачал головой: «Вот запугали бедного обывателя! Мерещится черт знает что!»

⁸ Ряженный (*жарг.*) – переодетый.

Чтобы попасть к Антонову, надо было пройти под аркой большого «сталинского» дома, преодолеть калитку с кодовым замком и объясниться со швейцаром в обшитой золотыми галунами вишневой форме. Швейцар красовался у подъезда застекленного сверх меры фешенебельного здания, олицетворяя собой достаток квартирующих в нем граждан.

– К Виктор Сергеичу? Он предупредил. Проходите. Его лифт – справа. Шифр имеется? – благожелательно, но без подобострастия выпалил всю эту информацию молодой человек. Форма швейцара ему очень шла. И явно смущала.

Шифр у Владимира имелся. Он набрал четыре цифры кодового замка и вошел в шикарный лифт. На панели лифта имелась всего одна кнопка. Фризе нажал на нее. И только по тому, как его мягко прижало к полу, понял, что квартира банкира находится очень высоко.

Оказалось, что Антонов занимает пентхауз.

– Владимир Петрович! Я уж подумал, не попали ли вы в ДТП! – Виктор Сергеевич, вышедший навстречу сыщику в холл, широко улыбаясь, раскинул руки для объятий. – Я уже истомился в ожидании. Пришлось аперитивчиком заморить червячка.

У Фризе были прекрасные отношения с банкиром, когда он разбирался с убийством его литературного секретаря и даже поработал в Историческом архиве, пытаясь выяснить генеалогическое древо семьи Антоновых. Он обнаружил, что Виктор Сергеевич является наследником огромного состояния и одновременно дедом и дядей молодого человека, сына русской и чеченца.

Роясь в пыльных архивных делах, Владимир между делом познакомился с молодым веселым архивариусом с редким именем Генриетта. Она и ее начальница, Таисия Игнатьевна, намекнули сыщику, что в архиве имеются данные о человеке по фамилии Фризе, тоже оставившем большое наследство. И Инюколлегия собирается найти его правопреемников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.